

Диковинные загадки Отелы

ЗИМНИЙ ДОМ

БЕН ГУТЕРСОН

иллюстрации
ХЛОЯ БРИСТОЛЬ

W BOOKS!

Бен Гутерсон
Диковинные загадки
отеля «Зимний дом»
Серия «Зимний дом», книга 3
Серия «Лучшее фэнтези для детей»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67237211

Диковинные загадки отеля «Зимний дом»: Издательство АСТ; М.; 2022

ISBN 978-5-17-127134-3

Аннотация

Отель «Зимний дом» готовится отметить Пасху, и Элизабет радостно окунается в шумную жизнь своего нового дома. Но вскоре она и Фредди оказываются втянуты в новую зловещую тайну. Гости отеля начинают вести себя странно, а дар Элизабет всё чаще проявляется с не самой лучшей стороны.

Пока необъяснимые толчки сотрясают фундамент отеля, Элизабет слышит крики о помощи Грацеллы Зимость, злой колдуньи, которая считалась мёртвой.

Долгожданное продолжение загадочной истории от мастера закрученного сюжета Бена Гутерсона.

Тайны, проблемы взросления и крепкая дружба объединяются в книге «Диковинные загадки отеля «Зимний дом».

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Часть первая. Опасности того, что буря принесёт	7
Глава первая. Странная находка в снегу.	7
Лыжная прогулка по восточному пределу	
Глава вторая. Путь, разделённый поровну, куда веселее	14
Глава третья. Интерес к пазлу возрос – только перспективы мрачны	22
Глава четвёртая. В снежном кружеве стираются все образы	39
Глава пятая. Чудесные изображения на калейдоскопе плиток	49
Глава шестая. Фраза, претворившаяся в жизнь	60
Глава седьмая. Кажется, впереди больше нет угроз... А так ли это?	67
Глава восьмая. Беседа с той, кто недавно была юна	79
Глава девятая. Полуночная встреча. Рыщущая по отелю	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Бен Гутерсон

Диковинные загадки отеля «Зимний дом»

Посвящается Джен, Джону, Дейву и Мэри

«В самом раннем романе Бруно Гестена, «Уловки Флиндерса», упоминаются выдуманные цитаты персонажей несуществующих книг, затемя одновременно пустая и блистательная».
Из «Марбеллы Неувядаемой» Пьера Менара

MYSTERIES

Text Copyright © 2020 by Ben Guterson

Illustrations Copyright © 2020 by Chlose Bristol

Published by arrangement with Henry Holt and Company,

Henry Holt® is a registered trademark of Macmillan

Publishing Group, LLC. All rights reserved.

© Зиганшина Е., перевод, 2022

© Издательство АСТ, 2022

Часть первая. Опасности того, что буря принесёт

Глава первая. Странная находка в снегу. Лыжная прогулка по восточному пределу

Одной морозной мартовской субботой Элизабет Летин каталась на лыжах в одиночестве, когда заметила клочок пурпурной ткани, привязанный к ветви ольхи чуть дальше

по лыжне. Она уже собиралась вернуться в «Зимний дом» – не только потому, что Норбридж, её дедушка, просил её не задерживаться дольше чем на два часа, но и потому, что небо начинали затягивать облака, а Элизабет ещё даже не притрагивалась к домашнему заданию на выходные. Однако ткань привлекла её внимание, и девочка замедлила бег. Это оказался красный платок – единственная вспышка цвета посреди бескрайней белизны, через которую вилась лыжня, – прилаженный к суку дерева.

Элизабет остановилась и принялась разглядывать ткань – потрёпанную и явно провисевшую здесь уже некоторое время. Она потянула за неё облачённой в перчатку рукой – узел не поддавался. Из рта вырывались облачка пара, лоб холодил пот; девочка раздумывала, что раньше никогда не забиралась так далеко, катаясь на лыжах. Она повернулась оглядеть покрытую снегом долину, посреди которой очутилась. Жилья нигде не было видно – только седые ольхи да ели, а далеко-далеко на востоке – вздымающиеся к сереющим небесам горы. Кругом стояла тишина.

«Кто мог привязать платок здесь, в этой глуши?» – подумала Элизабет.

Она огляделась ещё раз, а потом присмотрелась к припорошенной снегом земле. Впереди виднелась цепочка следов, ведущая от ольхи к некрутому спуску за ледяным изгибом ручья ярдах в ста к северу.

Элизабет овладело *ощущение*, её уже привычная интуиция – трепет в животе и гудение в голове, – подсказывающая, что среди этой заснеженной пустоши её что-то поджидает: внезапное открытие, происшествие, которое вот-вот случится, а может, даже какой-то человек.

– Эй? – крикнула Элизабет, не сводя глаз с покатога холма. – Здесь кто-нибудь есть?

Ответа не последовало; в верхушках деревьев мимолётно

вздыхнул ветер, а потом снова воцарилась тишина.

– Это не может меня напугать, – прошептала Элизабет себе под нос.

Она поглубже натянула шапку и снова оглядела лыжню, а потом отстегнула лыжи и зашагала по едва заметным следам.

Сразу после замёрзшего ручья следы поднимались по громадному земляному валу, покрытому снегом, высотой достигающему верхушек ольх. Элизабет влезла вверх на пару футов и остановилась: перед ней раскинулся обширный, лишённый деревьев круг – такой огромный, что даже если бы каток у «Зимнего дома» увеличили в десять раз, он всё равно бы прекрасно поместился внутри. Всё пространство круга усеивали заснеженные валуны. Девочка глядела на нечто, представляющее собой равнину размером с приличный пруд, усыпанную гигантскими камнями и окружённую земляным валом, на котором она сейчас и стояла.

«Что это за место?» – подумала Элизабет.

Следы вели вниз к маленькому свободному от валунов участку, и девочка отправилась по ним. Спустившись, она заметила металлический столб с ветхой бежевой табличкой, едва различимой как что-то сделанное человеком среди этих снежных камней. Элизабет протёрла очки от налипшего снега и вгляделась в табличку. Оранжевыми буквами – настолько выцветшими, что разобрать было сложно – на ней было написано следующее:

«Опасно! Горнодобывающая компания риплингтона

объявляет эту шахту, серебряный коридор, недействующей! Она была запечатана и более не доступна! Ради общего блага мы завалили вход, но мы не несём ответственности за безопасность физических лиц, продвинувшихся дальше этой точки! Развернитесь! Идти дальше небезопасно!»

Элизабет почувствовала трепет в груди. Она знала, что Серебряный Коридор Риплингтона состоит из сотен проходов – заброшенных больше века назад – и простирается от этого места во все стороны под землёй, образуя лабиринт туннелей под самим «Зимним домом». В одном из таких проходов почти три месяца назад Элизабет одолела Грацеллу Зимость, сестру Норбриджа и колдунью, которая попыталась отнять у неё силу; ещё девочка знала, что хоть Грацелла и повержена, её тело по-прежнему лежит в глубине тёмного подземного коридора. По воле какой-то злой магии её физическая форма сделалась не только каменно-твёрдой, но и недвижимой, и Норбридж – в качестве меры предосторожности – устроил ей гробницу на том самом месте, где она лежала, и запечатал те двери в «Зимнем доме», которые вели в шахты. Элизабет осознала, что единственный вход – или выход – расположен на том самом месте, где она стоит, хоть и заваленный многотонными камнями. Её пробрала дрожь, и она ещё раз перечитала табличку.

Элизабет собиралась уже развернуться, как вдруг ей показалось, что она почувствовала под ногами слабый гул. Он

напоминал отголоски далёкого грома, и девочка не была до конца уверена, что действительно что-то ощутила. Она постояла и подождала, не загрохочет ли под землёй снова, но всё было тихо и недвижно.

Подул ветер, и Элизабет собралась уже уходить, когда заметила на снегу в самом центре ровного круга, среди валунов, тусклый пурпурный мазок. Она быстро потрясла головой и положила руку на куртку над тем местом, где покоился её кулон цвета индиго в серебряной оправе со словом «Вера».

– Это не может меня напугать, – сказала Элизабет.

Снова подул ветер, на этот раз сильнее. Элизабет ещё раз поглядела на табличку. Ветер спустился в чашу запечатанной шахты, струясь между валунами, а девочка развернулась и вскарабкалась вверх по склону на вершину вала. Кинув последний взгляд на лишённый деревьев круг, она увидела, что в самом его центре светится тусклый красноватый огонёк. Но это казалось невероятным, а её страх к этому моменту начинал превращаться в панику, так что, сосредоточившись на том, чтобы не упасть в снег, Элизабет кинулась к своим лыжам. Добежав до них, она опять почувствовала, как земля немного содрогнулась. Элизабет замерла и прислушалась. Небо сделалось ещё темнее.

«Гром, – подумала Элизабет, пристёгивая лыжи к ботинкам, хотя она сомневалась, что пропустила бы вспышку молнии. – Должно быть, это гром».

В очередной раз поднялся ветер, и красный платок на дереве затрепетал. Элизабет дёрнула за него, ломая тонкую ветвь ольхи, скомкала и швырнула в сугроб. Она встала на лыжню и побежала так быстро, как только могла, прочь отсюда, назад в «Зимний дом», параллельно пытаясь выкинуть из головы назойливую мысль: «Что если Грацелла всё-таки не умерла?»

Под землёй снова зарокотало.

Глава вторая. Путь, разделённый поровну, куда веселее

Главным, о чём думала Элизабет, когда мчалась прочь от шахты и красного платка, было то, что ей необходимо рассказать обо всём Норбриджу. Она была напугана – и тем, что увидела, и тем, что из-за этого почувствовала. Она жила в «Зимнем доме» с рождественских каникул: проводила приятные дни в новой школе, вечерами пила горячий шоколад и читала, часами бродила по огромной библиотеке отеля, а по выходным каталась на лыжах или коньках или просто прогуливалась по берегу замёрзшего озера Луны – и всё же её продолжало интриговать нечто заманчивое, что олицетворяла Грацелла, но что Элизабет не могла выразить. Мысль об этом беспокоила.

Элизабет размышляла обо всём этом, когда, спустя пятнадцать минут быстрого бега на лыжах под усилившимся снегопадом, её снова посетило *ощущение*, и она остановилась. Лыжня впереди раздваивалась, и хотя девочка знала, какой путь ведёт в «Зимний дом», она была уверена, что кто-то направляется к ней по тропе, к которой она только что приблизилась. Она сама каталась по ней несколько раз и знала, что если свернёт на неё, то проедет пять миль на юг и окажется в Хевенворте – где была её школа. Элизабет прислушалась, ожидая, не покажется ли кто, и тут из-за поворота пример-

но в сотне ярдов выкатился на лыжах человек в серебристой куртке и красной шапке и быстро заскользил в её сторону.

– Элизабет, – окликнул лыжник в тот самый миг, когда она его узнала. – Здравствуй!

– Хайрам! – воскликнула Элизабет, и все её страхи и тревогу последнего получаса как рукой сняло, потому что к ней приближался учитель-практикант Хайрам Кроули. Они были знакомы уже десять недель с тех пор, как Элизабет начала учиться в Хевенвортской академии, а Хайрам – вести там английский. И хотя он преподавал только по вторникам и четвергам (в конце концов, он пока только учился быть учителем), Элизабет считала, что из него непременно выйдет превосходный преподаватель. То, что ему был двадцать один год, что он учился в престижном университете Брумы в тридцати милях отсюда, что чёрные волосы у него были аккуратно подстрижены, а книг он прочитал почти столько же, сколько Элизабет (включая одну из её недавних любимых, «Тайну соловьиного леса»), только укрепляло её уверенность. Ещё он был весьма мил – достаточно выросшим, чтобы считаться взрослым, но не настолько старым, чтобы совсем позабыть, каково это – быть ребёнком, даже двенадцати с тремя четвертями лет, как Элизабет.

– Ого, – сказал Хайрам, подкатываясь поближе. – Видимо, все классные люди катаются сегодня на лыжах.

Элизабет рассмеялась.

– Вы из города едете? – спросила она, когда Хайрам при-

тормозил с ней рядом, тяжело дыша. Снег валил уже крупными хлопьями, а ветер задувал всё сильнее. Элизабет стлкнувалась с Хайрамом на лыжне возле «Зимнего дома» уже по меньшей мере полдюжины раз и знала, как он любит лыжи.

– Да, – сказал он с горящими глазами. – Очень приятно встретиться здесь с тобой. – Он посмотрел на лыжню за её спиной. – Ты уже возвращаешься? – Элизабет кивнула, но не успела она ничего сказать, как Хайрам продолжил: – Держу пари, торопишься дописать задание по биологии для мистера Кармински к понедельнику.

Элизабет снова засмеялась.

– Я с ним расправлюсь. – Она протёрла очки перчаткой.

– Я еду в «Зимний дом» на встречу с директором, – сказал Хайрам. Элизабет вспомнила, как Норбридж упоминал, что профессор Эгиль П. Фаулз, директор Хевенвортской академии, присоединится к ним за ужином. Мистер Фаулз, весьма, если не чрезвычайно, степенный человек, следивший за распорядком своего дня, то и дело сверяясь с часами, был ещё одной причиной, почему Элизабет нравилось в новой школе. В отличие от школы в Дрире, городишке, в котором она жила со своими тётёй Пурди и дядей Бурлапом с четырёх лет и до прошлого Рождества, учителя и сотрудники Хевенвортской академии, казалось, искренне любили не только предметы, которые преподавали, но и самих учеников. И это Элизабет объясняла себе благотворным влиянием их руководителя – Эгиля П. Фаулза.

– Вы тоже с нами поужинаете? – спросила Элизабет, почти не скрывая надежду, что он ответит утвердительно.

– Если я что и понял за то время, что провёл здесь, – с напускной торжественностью произнёс Хайрам, – так это то, что если Норбридж Фоллс приглашает тебя в «Зимний дом» на ужин, отказываться нельзя. – Он перевёл взгляд на небо. – Но почему бы нам не поболтать по дороге? Не думаю, что солнце собирается показаться в ближайшее время.

В течение следующего получаса, когда лыжню замело свежим снегом, а небо сделалось ещё темнее, Элизабет осознала, как ей повезло наткнуться на Хайрама. Они ехали бок о бок и обсуждали Хевенвортскую академию, «Зимний дом», лыжни, поддерживаемые в должном состоянии, и свою любимую тему: книги. Однако Элизабет решила, что не станет заговаривать о том, что видела прямо перед их встречей: странную заброшенную шахту и красный платок на дереве. Когда она вспомнила об этом, по её телу пробежала дрожь, и ей стало страшно даже думать о том тихом и безлюдном месте внутри чаши старой шахты.

– Ну что, ты читала что-нибудь ещё за авторством моего дедушки в последнее время? – спросил Хайрам, когда Элизабет перечислила некоторые из книг, которые дочитала за пару последних недель.

Один из множества любопытных фактов о Хайраме Кроули состоял в том, что его дед Дэмиен Кроули не только много лет назад жил неподалёку от «Зимнего дома», но и пи-

сал жутковатые и зловещие романы, которые Элизабет просто обожала. Она прочла ещё не все его книги – насколько она понимала, всего он написал девяносто девять, – но надеялась, что когда-нибудь ей это удастся.

– Я только что закончила «У каждой радуги есть чёрная подкладка», – ответила Элизабет. Впереди сквозь пелену снега уже замаячил «Зимний дом» с льющимся из окон золотым светом и трепещущими серебристыми флагами с буквой «З» на крыше.

– Мне она очень нравится, – одобрил Хайрам. – Когда оказалось, что лепрекон – на самом деле вампир? Ого. Не знаю, как дедушке всё это в голову приходило.

– Дальше я хочу прочитать «Мрак в конце туннеля».

– Удачных снов, если, конечно, ты сможешь заснуть после этого.

– Думаю, моя любимая – это «Комната отчаяния Колина Дредмейра», – сказала Элизабет.

– Крипота полная, – ответил Хайрам. – А моя любимая – «Малкольм Гастфорд и загадка расширяющегося подвала».

Вот уже год из головы Элизабет не выходила одна странная находка, которую она обнаружила в старой комнате Грацеллы в «Зимнем доме», пробравшись как-то раз внутрь. Комната – входить в которую было строго запрещено – оказалась очень прибранной и, не считая нескольких предметов мебели, пустой. Но в ящике единственного письменного стола девочка обнаружила книгу Дэмиена Кроули под названи-

ем «Тайное руководство Анны Люкс», которую она мельком пролистала и оставила на месте, никому об этом не сказав. Время от времени Элизабет подмывало вернуться в комнату Грацеллы, чтобы снова взглянуть на неё, особенно потому что Леона Спринджер, пожилая библиотечарша «Зимнего дома», с которой Элизабет водила дружбу, нигде не могла найти экземпляр этой книги, даже через своих многочисленных приятелей-библиотекарей. Но Элизабет знала, что не должна возвращаться в комнату Грацеллы – однажды любопытство уже пересилило её, и она никогда не признавалась в этом Норбриджу – так что она сказала себе, что больше туда не ползет.

Элизабет раздумывала, не спросить ли Хайрама о книге про Анну Люкс. Но прежде чем она успела это сделать, они выехали с опушки на открытую местность перед «Зимним домом» и Хайрам сказал:

– Знаешь, профессор Фаулз упомянул, что когда-нибудь ты, возможно, станешь управлять «Зимним домом», учитывая, что ты – следующая в роду Фоллсов. Это правда?

Этот вопрос застал Элизабет врасплох – не потому что она не слышала об этом раньше, но потому, что она ещё не разобралась в своих чувствах по этому поводу. Она любила «Зимний дом» всем сердцем и считала, что ей страшно повезло жить здесь теперь, но мысль о том, чтобы продолжить дело Норбриджа, стать ответственной за отель и за всех, кто в нём есть, была для неё слишком пугающей. Элизабет было

двенадцать, и времени ей едва хватало на то, чтобы несколько дней в неделю помогать в библиотеке и вовремя сдавать домашнее задание.

– Не знаю, – сказала Элизабет. – Наверное... – Она почувствовала себя так, как часто чувствовала в Дрире, когда тётя Пурди начинала допрашивать её о пропавшем носке или о чём-то ещё, к чему она, Элизабет, не имела ни малейшего отношения: вопрос Хайрама поселил в ней тревогу и неуверенность. Она задумалась, что сказать дальше, и свист их лыж, скользящих по снегу, внезапно сделался громче.

– Почти на месте! – воскликнул Хайрам, и Элизабет была рада, что он прервал неловкое молчание. Они и правда приближались к огромному отелю: сквозь снежные вихри Элизабет увидела, как из припаркованной на круговой дорожке перед фойе машины выбираются люди.

– Это там не любители пазлов? – спросил Хайрам, вглядываясь в прибывших.

И действительно, Элизабет увидела мистера Веллингтона и мистера Рахпута, двух джентльменов, на протяжении вот уже двух лет собирающих во время своих приездов в фойе «Зимнего дома» пазл из тридцати пяти деталей, – они помогли жёнам вылезти из машины, а потом направились в отель. Элизабет собиралась уже поприветствовать их, но до них по-прежнему было слишком далеко, да и снег мешал.

– Я думала, они только на следующей неделе приедут, – сказала девочка.

Хайрам мотнул головой в сторону отеля.

– Пойдём поздороваемся.

Элизабет припустила вперёд. Приближаясь к «Зимнему дому», она размышляла, почему прибытие мистера Веллингтона и мистера Рахпута показалось ей таким странным. В голове снова возник образ светящегося пурпурным снегом входа в шахту. Но тут они с Хайрамом достигли круговой дорожки у отеля, и Элизабет отбросила все тревожные мысли.

Глава третья. Интерес к пазлу возрос – только перспективы мрачны

Фойе «Зимнего дома» было таким элегантным и громадным, что Элизабет никогда не уставала ему поражаться, даже проведя здесь много времени. Канделябры, полированное дерево панелей, ворсистый ковёр с ромбовидным узором, картины и олени головы на стенах, тихая музыка струнного квартета, льющаяся из динамиков, и запах горящих дров, смешивающийся с сахарно-сладким ароматом знаменитых на весь мир конфет под названием флурчики, – всё это каждый раз зачаровывало Элизабет как в первый.

– Это шикарное место, – сказал Хайрам, снимая шапку и стряхивая с волос растаявший снег, когда они с Элизабет оставили лыжи у передних дверей и вошли в фойе. Он глядел на высокий потолок и улыбался. – Тебе так повезло здесь жить.

Элизабет собиралась согласиться с ним, когда её окликнул Сэмпсон, посыльный чуть старше Хайрама.

– Прославленная на весь мир горнолыжница Элизабет Летин возвращается! – воскликнул он из-за стойки и широко улыбнулся, демонстрируя выступающие вперёд зубы.

– Привет, Сэмпсон, – сказала Элизабет. С момента их знакомства Сэмпсон проявил себя не только как один из самых лучших, но и как самый дружелюбный посыльный в «Зим-

нем доме».

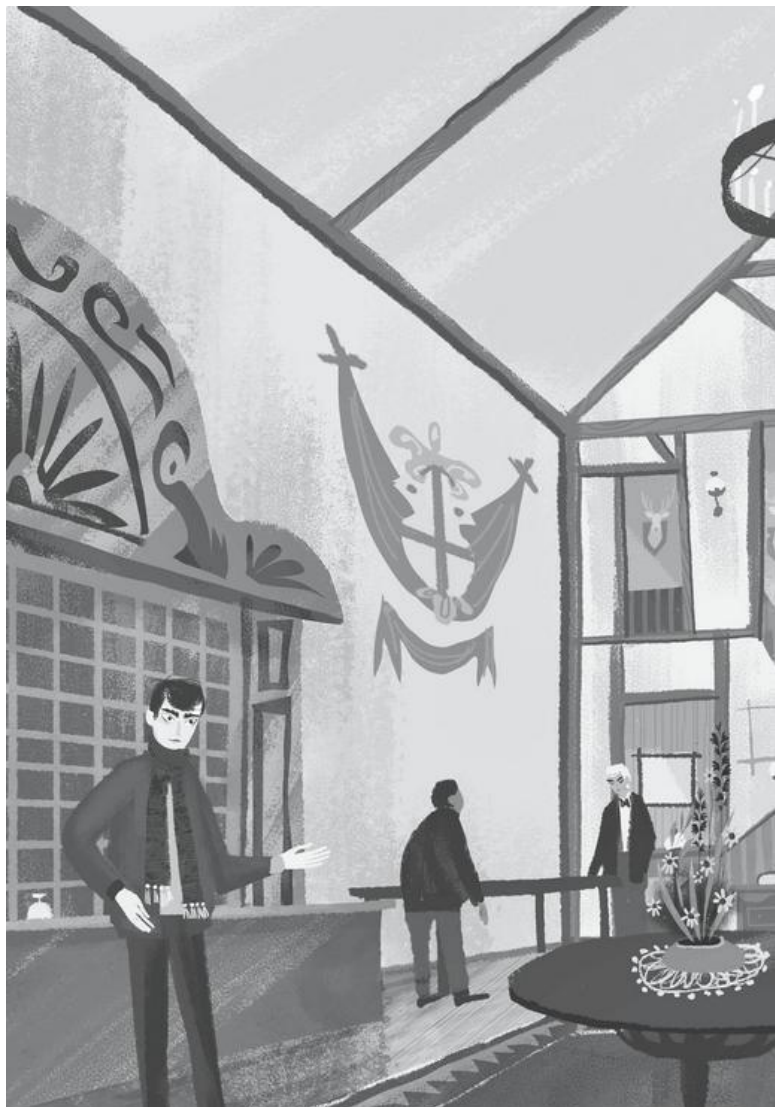
– И вам здравствуйте, мистер Хайрам Кроули, – поздоровался Сэмпсон. – Здорово вас здесь увидеть. И я рад, что вы оба успели добраться в отель до того, как началась настоящая буря.

– Привет, Сэмпсон, – отозвался Хайрам и указал большим пальцем себе за спину. – Снегопад разошёлся не на шутку. Мистер Фаулз уже прибыл?

Сэмпсон поглядел через стеклянные двери фойе.

– Ожидаем с минуты на минуту.

– И холодает к тому же, – сказала Элизабет, хотя её взгляд был прикован к дальнему углу фойе, где на длинном столе лежал гигантский пазл, которому высокий и лысый мистер Веллингтон и низкий и круглый мистер Рахпут посвятили немало часов за многие минувшие месяцы. Они с жёнами обычно приезжали в отель на две недели минимум три или четыре раза в год и большую часть времени проводили вдвоём, подбирая фрагментам правильное место. В последний раз они приезжали на Рождество и здорово продвинулись в пазле – изображавшем прекрасный монастырь в Гималаях, где когда-то жил основатель «Зимнего дома», Нестор Фоллс, – им очень не терпелось собрать его до конца. Элизабет помогала им, когда выдавалась свободная минутка, – и потому, что она любила пазлы, и потому что, как оказалось, она мастерски отыскивает нужные детали. Джентльмены всегда с радостью принимали её помощь.

К удивлению Элизабет, теперь джентльмены стояли возле стола (их жён нигде не было видно) и рассматривали обширную россыпь деталей с таким видом, будто трудились над пазлом уже несколько часов, хотя Элизабет и Хайрам вошли в отель всего через пару минут после их прибытия. Девочку поразило, что мистер Веллингтон и мистер Рахпут немедленно принялись за работу, даже не заглянув для начала в свои номера.

– Я не знала, что они сегодня приезжают, – сказала Элизабет Сэмпсону, указывая на стол с пазлом.

Он наклонился к ней поближе.

– Мы тоже удивились, – ответил он, понизив голос. – Мистеру Веллингтону не терпелось сюда попасть. Он всё просил мистера Рахпута поторопиться, чтобы они могли поскорее приняться за пазл, и они отправились напрямиком к столу, как будто не могли больше ждать.

Хайрам повернулся к Элизабет и посмотрел на неё взглядом, в котором читалось: «Это как-то странно». Но потом он пожал плечами и мотнул головой в сторону двух джентльменов, приглашая Элизабет за собой.

– Пойдём поздороваемся, ага?

Они подошли к столу с пазлом, но мистер Веллингтон и мистер Рахпут как будто не замечали ничего вокруг: они сосредоточенно рассматривали разложенные перед ними фрагменты.

– Здравствуйте, мистер Веллингтон, – сказала Элизабет. –
Здравствуйте, мистер Рахпут.

Джентльмены вскинули головы и повернулись к Элизабет. Вид у них был не только удивлённый, но и немного непонимающий – так бывает, когда натыкаешься человека в непривычном месте, и он знает, что уже встречал тебя раньше, но не может вспомнить, где.

Спустя миг на лице мистера Веллингтона появилось его обычное дружелюбное выражение.

– Ах, да! – радостно воскликнул он. – Дорогая Элизабет! Как приятно тебя видеть. – Он подошёл к ней и пожал ей руку, а потом посмотрел на Хайрама. – И молодой школьный учитель тут. Замечательно снова увидеть вас, сэр. – Он повернулся к мистеру Рахпуту, который неохотно шёл к ним, шаркая ногами. – Мистер Рахпут, не медлите, сэр. Подойдите и поздоровайтесь с нашими друзьями.

Низенький джентльмен медленно приблизился; лицо у него было как всегда безрадостное, как будто он только что пережил неопишное разочарование и хотел, чтобы все это осознали; он протянул Элизабет руку.

– Мы, как всегда, счастливы узнать, что к нам присоединяется наше юное дарование, – сказал он. Взгляд его глаз под тяжёлыми веками переместился на Хайрама. – Хотя, полагаю, вы уже заняты дневными радостями молодости и не сможете остаться с нами, пока мы мучительно – очень мучительно – продвигаемся вперёд, к завершению...

– Мистер Рахпут! – сказал мистер Веллингтон, перебивая его и делая жест в сторону Хайрама, тем самым намекая мистеру Рахпуту пожать ему руку. – Довольно ворчания. – Он улыбнулся Элизабет. – Мы чрезвычайно рады быть здесь и нам не терпится возобновить наши старания.

– Я вижу, – ответила Элизабет, кидая взгляд на пазл. Судя по всему, до завершения работы джентльменам оставалась ещё одна-другая поездка сюда. Хоть ей и нравилось собирать пазл, когда двое джентльменов гостили в отеле, в их отсутствие она не трогала ни единого фрагмента из уважения: пазл ведь был всё-таки их детищем. Когда они уходили, на столе даже оставалась табличка: «Мистер Рахпут и мистер Веллингтон, двое джентльменов, которые многие месяцы посвятили этому пазлу, сейчас отсутствуют. Пожалуйста, не трогайте пазл каким бы то ни было образом. Благодарим вас. М-р Р и м-р В» – и это удерживало всех потенциальных собирателей от попыток помочь. Каким бы странным это ни казалось Элизабет, ни один гость ни разу не попытался нарушить просьбу на табличке; она множество раз видела, как люди восхищаются пазлом, но никогда – чтобы кто-то пытался приладить фрагмент-другой.

– Что ж, вы двое, видимо, решили с порога приступить к делу? – сказал Хайрам.

Мистер Веллингтон, весь сияя, повернулся к мистеру Рахпуту.

– Мы намереваемся закончить пазл к Пасхе, – заявил он. –

Изначально мы планировали прибыть в следующую среду, но, посоветовавшись, мы с мистером Рахпутом сочли необходимым откорректировать временные рамки, чтобы уложиться в расписание. – Он подался вперёд и пояснил бодрым и доверительным тоном: – Если будем начинать рано утром до завтрака и трудиться до позднего вечера, я уверен, мы сможем собрать его в течение двух следующих недель! Нельзя терять время, да, мистер Рахпут?

Мистер Рахпут утомлённо пожал плечами и вернулся к пазлу.

– Это не я трачу своё время на пустую болтовню, – мрачно отозвался он.

Элизабет, и сама разглядывавшая пазл и размышлявшая – уже не в первый раз – до чего же странно, что эта огромная коробка и тысячи деревянных фрагментов вообще существуют, ощутила, как внутри зашевелилось знакомое чувство.

– Эй! – жизнерадостно сказала она, указывая на фрагмент, лежащий рядом с рукой мистера Рахпута. – Думаю, я знаю, куда поставить вот этот.

Мистер Веллингтон посмотрел на Хайрама и просиял, как человек, который только что нашёл на полу купюру в двадцать долларов.

– Она удивительная, так-то, – сказал он. – Все мы знаем, что сейчас произойдёт.

– Должен отдать юной леди должное, – согласился мистер

Рахпут. – Пазлы она собирает отменно.

Фрагмент, который заметила Элизабет, был чистого синего цвета – одним из тысячи кусочков, составлявших небо, но то ли его форма, то ли то, как он лежал на столе, пробудило в девочке *ощущение*: она подняла его, поднесла к собранному участку рядом с верхним краем картинки и ловко вставила на место.

– Вот так! – с триумфом сказала она. Элизабет понятия не имела, как у неё это получается, зная лишь, что во время работы над пазлом у неё часто появляется чувство, что определённая деталь должна подойти в определённое место. На этот раз, однако, видя, что на неё обращены три пары глаз, она почувствовала какое-то непривычно сильное удовлетворение от своей находки, нечто гораздо более приятное, чем то, что она чувствовала, собирая пазл раньше.

– Ого! – воскликнул Хайрам. – Вот это мастерство!

– Это дар, – сказал мистер Веллингтон. – У неё дар.

– А через час у неё встреча с мистером Фоллсом, – добавил кто-то.

Элизабет оглянулась и увидела Джексона – главного посыльного в «Зимнем доме» и правую руку Норбриджа, – выглядящего как всегда опрятно и элегантно в своей красной форме и шляпе-таблетке; даже его медные пуговицы и бейджик с именем были отполированы до яркого блеска. Джексон был самым опытным и профессиональным работником отеля, и Норбридж – как и Элизабет – полностью доверяли

ему.

– Привет, Джексон, – сказала она, и Хайрам тоже поприветствовал посыльного, а джентльмены за столом поднялись позвать ему руку.

– Вы прибыли, мистер Веллингтон, – чинно произнёс Джексон. – И мистер Рахпут тоже. – Он огляделся по сторонам. – И ваши жёны приехали с вами?

Мистер Веллингтон махнул рукой в сторону лестницы.

– Они отправились в номера.

Джексон выдержал паузу, любезно улыбаясь.

– Мы чрезвычайно рады, что вы снова приехали к нам погостить. – Он повернулся к Хайраму. – И вы тоже, сэр. Очень рад вас видеть. Ваш директор, мистер Фаулз, скоро прибудет. На ужин у нас запечённая форель и жареный батат, а после вас ожидает скрипичный концерт мисс Санни Чен, которая сыграет сонату Вентейля в Грейс-холле в восемь часов. Я уверен, вам очень понравится. – Он кивнул Элизабет. – А завтра, как уже известно мисс Летин, в нашем театре состоится спектакль «Летучий город Исфахин», за которым последует вечерняя лекция об искусстве искажения голоса, которую прочтёт знаменитый чревовещатель мистер Айзек Игбинедион. Вряд ли вам захочется всё это пропустить.

– Здесь всегда очень здорово, Джексон, – сказал Хайрам и указал в коридор. – Но знаете, если никто не возражает, я бы хотел ненадолго отправиться в библиотеку. Для уроков на следующей неделе мне понадобится пара книг.

– Конечно, – ответил Джексон. – Ужин в шесть тридцать. Хайрам махнул рукой, улыбнулся всем и направился в коридор.

– Тогда до скорого.

Элизабет и трое мужчин в неловком молчании наблюдали, как Хайрам удаляется. У Элизабет появилось отчётливое ощущение, что мистеру Веллингтону и мистеру Рахпуту больше всего на свете хотелось бы продолжить работу над пазлом.

Джексон прочистил горло.

– Джентльмены, – мягко сказал он, – учитывая, что вы уже поставили на место один фрагмент – с помощью мисс Летин, полагаю, – возможно, вам захочется присоединиться к вашим жёнам и отдохнуть перед ужином. А пазл будет ждать вашего возвращения.

Мистер Рахпут пожал плечами, глядя на мистера Веллингтона.

– Возможно, нам стоит последовать совету этого джентльмена. Совершенно ясно, что, поскольку наша юная помощница не в силах остаться, наши шансы на успех этим серым днём, скорее всего, невелики. Мы давненько не практиковались. – Он потёр лоб. – И я утомился.

Мистер Веллингтон украдкой кинул взгляд на фрагменты пазла, погладил себя по подбородку, а затем улыбнулся Джексону. Он глубоко вдохнул и сказал:

– Вы совершенно правы, Джексон. Полагаю, краткий пе-

рерыв нам не повредит. Отправимся же в наши номера! – Он махнул мистеру Рахпуту, и оба джентльмена зашагали к лифту. – Приготовимся наслаждаться новыми днями в отеле «Зимний дом». – Он нажал на кнопку лифта и повернулся к Джексону и Элизабет. – До вечера.

Мистер Рахпут вяло махнул, когда двери раздвинулись.

– Увидимся за ужином, если, конечно, до тех пор с нами ничего не случится.

– Сэр! – воскликнул мистер Веллингтон, когда оба вошли в лифт. – Конечно, мы с ними увидимся. А потом сразу же примемся за работу над...

Двери лифта закрылись. Элизабет уставилась на них, будто ожидая, что джентльмены передумают и вернуться. Она посмотрела на Джексона – тот тоже таращился на двери.

– Им явно не терпится заняться своим пазлом, – сказала девочка.

– Некоторых людей долгая дорога может дезориентировать, – заметил Джексон, приподняв брови.

Он оглядел фойе; будь это субботний день тремя месяцами раньше, перед Рождеством, кругом туда-сюда сновали бы люди – сотрудники, готовящие банкеты и концерты, гости, идущие на каток или возвращающиеся с улицы выпить горячего шоколада в Зимнем зале, – здесь было бы оживлённо, как на вокзале в час пик. Однако теперь, мрачным днём в середине марта, когда до Пасхи оставалось ещё две недели, в «Зимнем доме» было малоллюдно как никогда – больше

половины номеров пустовали, а вечера проходили спокойно, за фильмами и тихими концертами. Элизабет нравилось в «Зимнем доме» на рождественских каникулах, но, прожив в отеле некоторое время, она осознала, что такие задумчивые недели нравятся ей в той же мере.

– Ты сказал, что Норбридж хочет меня видеть?

– В обсерватории в четыре часа.

Обсерватория находилась на тринадцатом – самом верхнем – этаже, и именно там, на застеклённом балкончике, Норбридж держал мощный телескоп, через который днём можно было смотреть на окрестности «Зимнего дома», а ночью – на звёзды и планеты. Там же находился его офис, где он вёл важнейшие дела отеля.

– Полагаю, – добавил Джексон, – он хочет обсудить что-то касательно Ланы.

Элизабет почувствовала, как по её телу пробежала дрожь. *Лана.* В канун Нового года, в мрачном туннеле под «Зимним домом» с Ланой Виспер – или, как теперь было известно Элизабет, Ланой Паутер – произошла страшная трагедия. Лану, ровесницу Элизабет, вовлекли в заговор её собственные весьма неприятные родители – заговор, чтобы вернуть Грацелле всю её зловещую силу. Грацелла была повержена, когда Элизабет выбрала – и решительно – использовать свои собственные силы во благо и не делиться ими с Грацеллой. Но в ходе битвы в шахте под «Зимним домом» Грацелла прибегла к последней отчаянной мере и в бесплодной попытке

сохранить жизнь себе магическим образом высосала из тела Ланы годы её жизни, оставив её немощной и увядшей, как девяностолетняя старуха. Это была шокирующая и жуткая участь, тем более что позднее стало ясно, что Лана была невинной пешкой в лапах её коварной семьи. Собственно, после жуткого новогоднего кануна родители и брат Ланы исчезли, бросив её одну.

Элизабет мутило при одной мысли об этом, и она считала, что Лана страдала гораздо сильнее, чем заслужила за крохотный вклад в злодейские происки её родителей. Ей хотелось понять, может ли она чем-нибудь помочь Лане, и если да, то чем – и она знала, что Норбридж желал того же самого. Пока что Лана оставалась в номере на четвёртом этаже в таком печальном и затуманенном состоянии, что было трудно понять, осознаёт ли она до конца, что с ней случилось. Временами Элизабет гадала, не помутился ли Ланин рассудок навсегда; не может ли статься, что для неё, к сожалению, не осталось надежды.

– С ней что-то случилось? – спросила Элизабет.

– Полагаю, она хочет о чём-то поговорить с вами и Норбриджем, – ответил Джексон. – Как я понял, ей как будто бы стало лучше. Будем надеяться, что она встанёт на ноги.

Эта новость поразила Элизабет – и очень обрадовала.

– Это здорово. – Она поглядела на часы. – Непременно встречусь с Норбриджем в четыре.

– Конечно, – сказал Джексон. Он кивнул, повернулся к

стойке регистрации, за которой Сэмпсон просматривал какие-то бумаги, и направился к нему. – Не сутультесь, сэр, – окликнул Джексон. – Это вредно для спины и для позвоночника. Выпрямьтесь! Выпрямьтесь!

Элизабет собиралась уже подниматься по лестнице, когда её взгляд снова упал на пазл и она осознала, что чувствует необъяснимую тягу продолжить его собирать. Она посмотрела на буквы – на неизвестном ей языке – над дверями монастыря на картинке. Мистер Веллингтон как-то сказал ей, что они означают слово «Вера», и Элизабет это знание здорово грело душу. Она коснулась слова пальцем, проводя линию, как будто расправляла смятую бумагу, а потом поднесла палец к свитеру, ровно над тем местом, где висел медальон с тем же самым словом, но на английском.

По её телу пробежал холодок – нечто напоминающее *ощущение*, но странно холоднее и острее. Не успела Элизабет понять, что делает, как её рука потянулась к одному фрагменту пазла – невнятного кусочку синего неба. Девочка оглянулась через плечо – не смотрят ли на неё Джексон, или Сэмпсон, или кто ещё, – а когда убедилась, что за ней не подглядывают, сунула фрагмент в карман, глубоко вдохнула и зашагала к лестнице прочь из фойе.

Она украла одну из тридцати пяти тысяч деталей пазла мистера Веллингтона и мистера Рахпуты.

Глава четвёртая. В снежном кружеве стираются все образы

Элизабет жила на третьем этаже, в комнате номер 301, и здесь было настолько ярко и жизнерадостно, насколько в её спальне в убогом Дрирском домишке у тёти и дяди было мрачно и уныло. Если вы когда-нибудь задумывались, како-во это – жить в номере отеля, где всё свежо и прибрано, но в то же время где есть и ваши собственные вещи – книги на огромной дубовой полке, одежда в комодe из вишнёвого дерева, постеры (хаски в упряжке, молодой Артур, вытаскивающий Экскалибур из камня, обложка «Короля воров», утконос из третьей части фильма «Война коров») на стене и свисающие с потолка безделушки, флажки и гирлянды – то вы примерно представляете, как было у Элизабет в комнате. Она её обожала. И временами не могла поверить, что всё это принадлежит ей.

Больше всего она любила сидеть на диване, включив лампу с абажуром из цветного стекла, и читать часами напролёт. Если распахнуть занавески на окне, через которое виднелись снежное небо и озеро Луны, а за ним – горы, было ещё лучше, хотя вечерняя тьма с полумесяцем тоже хороша. Почти так же сильно, как отдыхать на диване с книжкой, Элизабет любила сидеть за письменным столиком у кровати и работать над школьными заданиями, или рисовать картинки, или добавлять пункты в списки, которые она вела в блокноте (самые последние: «Причины, По Которым Хевенвортская Академия Лучше Дрирской Средней Школы», «Лучшие Лекции В «Зимнем доме» За Этот Год», «Песни, Которые Я Хочу Сыграть На Гитаре, Когда Научусь Играть На Гитаре» и «Татуировки, Которые Я Никогда Бы Не Сделала, Хотя Я Всё Равно Скорее Всего Никогда Не Сделаю Татуировку»). За столом ей было легко и просто сосредоточиться – не то что в комнате в Дрире, где от задания по математике её то и дело отвлекал то рёв тётиных телепрограмм (больше всего тётя обожала «Аварии, снятые на камеру» и «Давайте посмеёмся над другими людьми»), то пространные дядины жалобы на работу. Жизнь в номере 301 походила на сбывшуюся мечту.

Однако в этот день, закрыв за собой дверь и сняв лыжный костюм, Элизабет раздумывала над несколькими вещами, которых три часа назад в её голове не было и в помине:

увиденное у жутковатой заваленной шахты, странное поведение собирателей пазла, состояние Ланы и – самое недавнее – причины, по которым она стащила фрагмент пазла из фойе. Она достала деревянную детальку из кармана, положила на стол и стала разглядывать: синяя, с изгибами и выемками, как у любого другого кусочка. Совершенно обыкновенная. А вот что было не так обыкновенно, подумала Элизабет, так это то, как сложно ей было покинуть фойе – девочка списала это на терзавшее её чувство вины, однако кроме него она ощущала какое-то *сопротивление*, как будто что-то притягивало её назад к столу.

«Скоро я его верну», – подумала она, игнорируя вопрос, что, собственно, вообще подвигло её взять фрагмент. Элизабет сунула его в верхний ящик стола, быстренько приняла душ, а потом села и занялась своим любимым субботним делом: открыла новенький ноутбук, который купил ей Норбридж (и которым она разрешала себе пользоваться не более получаса в день три раза в неделю), и принялась читать эмейлы, которые отправил ей её лучший друг, Фредди Нок.

Элизабет обожала работать в библиотеке с Леоной – этим она занималась по меньшей мере трижды в будние дни и обычно один раз на выходных; любила проводить часовые демонстрации камеры-обскуры на тринадцатом этаже всем интересующимся гостям в субботу утром – она пообещала это Фредди несколько недель назад, когда он настроил устройство как надо. Ещё она обнаружила, что ей нравится

посещать Хевенвортскую академию – она даже подружилась с некоторыми из ребят. Но почти так же сильно, как всё вышеперечисленное, она любила раз в неделю получать письмо от Фредди, с которым они разделили удивительные приключения на прошлое и позапрошое Рождество и который должен был приехать на Пасху вместе с родителями через пять дней.

Фредди был на год старше Элизабет. Его родители были чрезвычайно богаты, но гораздо больше, чем собственный сын, их интересовали вещи, которые они купили, и места, которые они посетили, а Фредди отошёл на второй план: и вот уже четыре года подряд, в то время года, когда большинство людей стараются быть с семьями, они оставляли его в «Зимнем доме» одного. Что, в общем-то, не огорчало Фредди – он полюбил отель так же сильно, как Элизабет. Одной из его черт, которая нравилась девочке больше всего, было то, что, несмотря на своё богатство и ум, он был очень приятным и ни капли не зазнавался. А ещё он был первоклассным изобретателем: он починил камеру-обскуру, а год назад создал Ореховый Чудорбан – бруски из спрессованной ореховой скорлупы. Элизабет обнаружила, что они с Фредди во многом походили друг на друга – прежде всего своей природной любознательностью и любовью ко всему связанному с анаграммами, шифрами, головоломками и всяческой игрой слов – и они сделались хорошими друзьями, хоть и провели вместе всего двое рождественских каникул.

Включив ноутбук, Элизабет поглядела в незанавешенное окно. В свете уличных фонарей, озарявших сгущающиеся сумерки, на землю падал снег. Он сыпался с темнеющего неба плотными хлопьями, укрывая всё вокруг. Ветер бился в окно, и Элизабет поплотнее укуталась в свитер и повернулась к компьютеру, чтобы прочесть эмейл от Фредди:

Уют элит свиреп без ват! *Ой, то есть: Приветствую, Элизабет (на тот случай, если ты не смогла разгадать анаграмму)!!! Надеюсь, неделя у тебя выдалась лучше, чем у меня. В понедельник я разбил очки. Во вторник папа должен был отвезти меня на хоккей, но потом сказал, что не сможет, и отправил меня с нашим шофёром. Вообще было весело. Жак очень приятный человек, мы съели гору попкорна, а я к тому же – три мороженых с печеньем (вот только «Альбатросы» проиграли по буллитам, и это было не очень здорово). В общем, потом, в среду, я свалился с простудой. Зато вчера нам выставили оценки за третью четверть – у меня одни пятёрки. Хоть что-то остаётся постоянным. Шучу! (Ну, насчёт оценок не шучу. Как у тебя в школе, кстати?)*

Как там дела в «Зимнем доме»? Как камера-обскура? Ты уже прочитала все шесть тысяч книг в библиотеке или пока только пять тысяч? Хорошо ли поживает Норбридж? А Леона? А все остальные? Я по-прежнему немного завидую, что ты теперь там живёшь, но одновременно я за тебя рад. Может, попросишь Норбриджа, чтобы я тоже мог к вам

переехать? Это толстый намёк! Попроси! Да! Попроси обязательно! (Ну пожалуйста?)

Ладно, я продолжил свои изыскания, и у меня есть для тебя новости. Готовься поражаться. Потому что: ФРЕД > ФРЕН > КРЕН > КОЕН > КОРН > КОРЖ > МОРЖ > МОРГ > МОЗГ. Понимаешь, к чему я? В общем, я изучал тот генеалогический сайт, про который тебе рассказывал, sojustwhereyoucfrom.com, «Так откуда ты родом», чтобы отыскать связи между людьми, помогавшими Грацелле. Вот что нам с тобой уже известно: Райли Грейнджер (или, как я его мысленно называю, «Тип, Который Давным-Давно Создал Кучу Всяких Странных И Загадочных Штук В «Зимнем доме», В Основном Чтобы Сводить Нас С Ума») был отцом Рутанны Смих Грейнджер, которая вышла замуж за Монро Химса, а их сыном был Маркус Химс (потому-то он и знал про Ту Самую Книгу), который в итоге женился на дочери Грацеллы, Селене Зимость. А двоюродная сестра Райли, Дженора Смих, вышла замуж за человека по имени Питер Паутер, и у них родился сын Эрнест Паутер – отец Родни и Ланы. Паутеры состоят в родстве с Селеной, поэтому-то они столько всего знали про «Зимний дом». Но я нашёл и кое-что новенькое! У Питера Паутера была сестра по имени Патрисия – это её имя ты тогда нашла в старой гостевой книге! Помнишь, та женщина, которая приезжала в «Зимний дом» с Райли Грейнджером, когда он был уже совсем старым? Жутко. И интересно!

Я раскопал и кое-что ещё. Я всё искал информацию о Дредфорском Знании – без особых успехов. Но пару дней назад я наткнулся на сайт под названием «Пурпурный Скарабей». Не знаю, кто его создал, но там всё про разные магические штуки. В общем, я вставляю сюда самое важное, чтобы ты прочитала:

«Шотландский шарлатан и злодей Аластер Зимость часто заявлял, что он и кружок его последователей раскрыли секрет сохранения вечной жизни через ритуал, который он назвал «Дредфорское Знание». Зимость считал, что людские души могут отделяться от тел и при благоприятных условиях дожидаться обратного воссоединения. Однако, по словам Зимости, если физическое тело погибло, накануне третьего полнолуния после физической смерти с «отсоединённой душой» необходимо провести вышеуказанную церемонию, иначе и она исчезнет навсегда. Как особый штрих к карьере Зимости, говорили, что писатель Дэмиен Кроули, попавший под его влияние в 1950-х, раскрыл секрет Дредфорского Знания в одном художественном произведении, которое так и не было опубликовано. Большинство исследователей считают всю эту историю несостоятельной».

Странно, а? По сути, муж Грацеллы придумал магический ритуал, о котором мы с тобой пытаемся разузнать побольше, а потом Дэмиен Кроули написал о

нём в книге! Нам обязательно нужно будет поговорить об этом при встрече.

Ладно, мне пора. О, и не забудь припасти мне парочку флорчигов. Надеюсь, родители не передумают опять в последний момент, как было на Рождество. Но даже если и передумают, меня я заставлю сюда отправить!

До встречи!

Фредди

P.S. Надеюсь, Лане становится лучше.

Дай мне знать.

Элизабет здорово ошарашило то, чем поделился с ней Фредди. Впервые она наткнулась на слова «Дредфорское Знание» в письме, которое нашла в номере Селены Химс на позапрошлом Рождество – подписанном просто «Д». И хоть об этом «знании» ей ничего не было известно, было ясно, что это некий магический способ отделить душу человека от его тела, чтобы сохранить и то, и другое, пусть даже и в ослабленном и ожидающем состоянии. Однако даже после поисков в библиотеке Элизабет не удалось ничего узнать о Дредфорском Знании.

Девочка встала и подошла к окну. Снегопад как будто ещё усилился. Она задёрнула занавески и вернулась к ноутбуку – поискать информацию о ближайших фазах луны. На экране перед ней появилась табличка с датами, и, прикинув кое-что в уме, Элизабет осознала ужасное: *третье полнолуние после смерти Грацеллы будет через две недели – в ночь на Пасху.*

Она хотела написать Фредди короткий ответ – о том, что обнаружила, о том, что видела у шахты, о том, как будет рада его приезду, – но ей не хотелось опаздывать. Элизабет было ужасно интересно узнать, как там дела у Ланы, и она обязана была рассказать Норбриджу про красное свечение, которое как будто видела в снегу у заброшенной шахты.

«И про Дредфорское Знание тоже, – подумала она. – Я расскажу Норбриджу о том, что нашёл Фредди».

Элизабет закрыла ноутбук, встала со стула и отправилась на тринадцатый этаж.

Глава пятая. Чудесные изображения на калейдоскопе плиток

Элизабет постучала в дверь офиса-обсерватории, а услышав изнутри бодрое «Входите, пожалуйста!», проскользнула внутрь. Комната была маленькой и почти без мебели, зато медный телескоп на стеклянном балкончике выглядел весьма внушительно. Через него Норбридж показал Элизабет всё – от колец Сатурна до горы Арбаза в отдалении, но самым волнующим была статуя Уинифред, матери Элизабет, на постаменте на другом берегу озера Луны. Дорога на тот берег была ещё недостаточно расчищена, чтобы там побывать, но Элизабет надеялась, что скоро ей это удастся. Она с нетерпением ждала этого дня.

– Элизабет, моя дорогая! – воскликнул Норбридж, появляясь из комнаты на противоположном конце коридорчика сбоку от гостиной. Он был одет в свой неизменный пиджак и белую рубашку с чёрным галстуком-бабочкой, а на ногах у него были крепкие ботинки; его абсолютно седые усы и борода были, как всегда, аккуратно подстрижены, а румяное лицо – глаза беззаботно сияют, как будто он всегда готов сказать что-нибудь, лишь бы вы улыбнулись – казалось таким жизнерадостным, каким Элизабет почти всегда привыкла его видеть. Он приветственно раскинул руки. – Ты пришла!

Элизабет улыбнулась.

– Джексон сказал, ты хочешь меня видеть.

– Хочу. – Он поманил её пальцем и, повернувшись спиной, добавил: – Прощу, сюда. Я хотел с тобой кое-чем поделиться.

Окна в кабинете Норбриджа – с серебристо-чёрным шерстяным ковром и заваленным бумагами письменным столом; освещённом двумя лампами и заставленном шкафчиками и книжными полками – были огромными, от пола до потолка, и за ними чернело небо. Однако самыми замечательными в этой комнате были стены, выложенные сине-белой плиткой, на которой были нарисованы сцены из истории «Зимнего дома» – видные достижения членов семьи Фоллс в альпинизме, беге на лыжах и хождении на снегоступах, а также разные яркие события, например, приземление знаменитого воздухоплователя Гектора Веласкеса возле озера Луны в конце его выдающегося полёта через все континенты на дирижабле или вечер, когда известная португальская певица Хелена Феррейра записала в Грейс-холле свой меланхоличный концертный альбом, долгое время державшийся в топах музыкальных чартов, «Тоска по засахаренной сласти молодости моей», – перед полным залом её фанатов, лакомящихся флюрчиками. Десятки сцен красовались на стенах – синяя краска на кремово-белой плитке. Элизабет считала, что это самое прекрасное из всего, что есть в отеле. Здесь было даже изображение её матери, когда та была ещё девочкой. Надпись под картинкой с Уинни в тёплой парке на снежном

пике гласила: «Самый юный человек, совершивший восхождение на гору Арбаза, – отважная и бесстрашная Уинифред Фоллс, одиннадцати лет». Это изображение всегда волновало Элизабет – она одновременно чувствовала гордость, решительность, но сильнее всего – печаль, потому что матери она лишилась восемь лет назад.

Однако за красотой комнаты скрывалась и глубокая важность: когда Норбридж впервые привёл сюда Элизабет несколько месяцев назад, он объяснил, что она – всего лишь пятый человек, который входил сюда, после дедушки Норбриджа Нестора, сына Нестора Натаниэля, самого Норбриджа и Уинни. Первые трое были теми, кто более 120 лет управлял отелем с момента его основания, за ними следовала дочь, которой было суждено стать следующей хозяйкой отеля, если бы не её исчезновение и преждевременная смерть, и, наконец, сама Элизабет. Девочка вспомнила вопрос Хайрама, заданный около часа назад, о том, что однажды она продолжит дело Норбриджа.

Дедушка жестом пригласил Элизабет сесть на диван; сам он опустился на огромный дубовый стул и некоторое время разглядывал внучку, прежде чем сказать:

– Как покаталась сегодня?

– Случилось кое-что странное, – ответила Элизабет и пересказала всё, что произошло с того момента, как она увидела красный платок на дереве. Норбридж внимательно слушал, время от времени кивая и задавая уточняющие вопро-

сы. Когда Элизабет упомянула, что наткнулась на Хайрама, Норбридж перевёл взгляд на ковёр и погладил себя по бороде.

– Что ж, это меня беспокоит, – сказал он, поднимая глаза. – Эта шахта запечатана с 1887 года, и оттуда попасть внутрь невозможно... – Он оставил предложение висеть в воздухе и поглядел в огромное окно, снова поглаживая бороду. – Ты говорила, на тебя нахлынуло то странное ощущение? И на снегу был какой-то пурпурный отблеск? И земля тряслась?

– Именно так, – ответила Элизабет. Она знала, что принесла тревожную весть, и ей хотелось поделиться всем этим с Норбриджем; но теперь, видя, как он взволнован, она забеспокоилась ещё сильнее. Однако какая-то её часть была воодушевлена тем фактом, что дедушка воспринял её всерьёз. Были времена, когда Элизабет расстраивалась, потому что Норбридж не уделял достаточно внимания её тревогам. То, что теперь он искренне переживал и не ставил под сомнение ни единое её слово, льстило Элизабет.

– Что если Грацелла пытается вернуться? – спросила она. Ей снова вспомнился красный платок и то, как явно специально он был привязан к дереву. – И что если кто-то попытается ей помочь?

Норбридж задумался.

– Но тогда встаёт вопрос: кто?

Этим вопросом задавалась и сама Элизабет почти с того

момента, как поспешила уехать от запечатанной шахты. Подозреваемых было немного. Дочь Грацеллы, Селена, погибла в подземном проходе одновременно с тем, как Грацелла высосала годы жизни из Ланы, а Ланины родители и брат бежали в канун Нового года. Норбридж пытался, не поднимая лишнего шума, выяснить место их нахождения, но в ответ получил только смутное сообщение от своего друга, держащего отель на Мальте, что на курорте под названием «Вилла Мальтселла» недалеко от Венеции видели семейство, по описанию похожее на Паутеров. А Элизабет не могла представить, кто захотел бы помогать Грацелле, кроме Ланиной семьи.

– Мне никто не приходит на ум, – призналась она, – но Фредди нашёл кое-что насчёт Дредфорского Знания, о чём тебе стоит знать. – Элизабет принялась рассказывать про сайт «Пурпурный Скарабей», и Норбридж подался вперёд, явно глубоко заинтересованный.

– Возможно, ты сможешь мне взглянуть на эту веб-страницу в интернете, – сказал он. – Так ведь правильно говорить? Веб-страница в интернете?

Элизабет улыбнулась.

– Можешь просто говорить «сайт».

Норбридж ничего не ответил. Вместо этого он двумя пальцами указал на свои глаза, как бы говоря: «Давай будем смотреть в оба».

– К другой теме, – сказал он, – я хочу поделиться с тобой

кое-какой новостью. Ты знаешь, что меня по-прежнему серьёзно заботит состояние Ланы и что я пытался выяснить, как мы можем ей помочь. В идеале мы бы сделали её обратно двенадцатилетней, но это не так просто, как звучит.

Элизабет посмотрела на него, прищурившись.

– Вообще-то это звучит совсем не просто.

– Именно, – подтвердил Норбридж. – Поэтому задача перед нами стоит не из лёгких. Мы как будто пытаемся подняться вверх по ручью без весла, нас можно сравнить со снежком, оказавшимся посреди огня... – Он отрывисто взмахнул руками перед собой и вздохнул, не закончив свои поэтические сравнения, которые он очень любил и которые всегда забавляли Элизабет. – Я совершенно растерян. Однако до того как обратить процесс старения, мне хотелось отыс-кать способ уменьшить Ланину скорбь и помочь её рассудку стать острее. И я рад сообщить, что, судя по всему, это происходит естественным путём. – Норбридж подался вперёд и посмотрел на Элизабет мрачным взглядом. – Сегодня утром я проговорил с ней целый час, и она – наконец-то – начинает напоминать себя прежнюю, спустя столько недель. Она, конечно, очень печальна, но, по крайней мере, идёт на контакт.

– Это отличная новость! – сказала Элизабет, про себя гадая, нет ли в улучшившемся состоянии Ланы отрицательной стороны: вдруг она ещё чётче осознаёт, что её положение, скорее всего, безнадежно. – Мне бы только хотелось что-ни-

будь для неё сделать.

– Что ж, я думаю, ты вполне сможешь. Вообще-то она хочет с тобой поговорить. Я бы хотел, чтобы сегодня после ужина мы с тобой отправились к ней в комнату и немного пообщались. По крайней мере, ты сможешь её подбодрить.

Элизабет не была уверена, что это хорошая идея. Она уже несколько раз бывала в комнате Ланы, но всегда заставляла её спать и – так часто, как только могла – молилась о том, чтобы Лана хоть немного поправилась и утешилась.

– Ты уверен, что стоит? – спросила Элизабет.

Норбридж поднял руку.

– Уверен. Но сначала я хочу тебе кое-что сказать. Она знает немало из того, чем мы с тобой интересуемся. Её родители много болтали, а она внимательно слушала. Оказалось, что за смертью твоих родителей совершенно точно стоит Грацелла. – Он опустил взгляд, а его голос сделался тихим. – Мне жаль сообщать тебе это. Я знаю, что это больно – и, конечно, я чувствую ту же боль. – Норбридж на миг прикрыл рот ладонью, прежде чем продолжить. – Однако правда такова, что Грацелла выследила твоих мать и отца и с помощью своей зловещей силы заставила их машину съехать с дороги. Так говорит Лана.

Элизабет почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. В прошлое Рождество Норбридж поделился с ней кое-какой информацией, которую он выяснил о смерти её родителей, Уинни и Ферланда Летин; но главное было то, что они

погибли в загадочной автокатастрофе, когда Элизабет было четыре.

– Лана разъяснила мне кое-что, о чём я никогда бы не догадался, – продолжил Норбридж, – а именно то, что лучше всего Грацелле удаётся восполнять свои жизненные силы – что ж, сказать это поделикатнее никак не выйдет, – забирая жизни у членов семьи Фоллс. Я-то думал, она просто убивает всех без разбора, тем самым питая свои магические силы. Но оказалось, что идеальная жертва для неё – кто-то связанный с ней кровными узами. – Норбридж закрыл глаза и содрогнулся. – Даже думать об этом жутко, не то что обсуждать.

Элизабет на мгновение закрыла лицо руками. Она думала о своих бедных родителях и об огне и грохоте автомобильной аварии; всё это она помнила очень смутно.

Она отвела руки от лица.

– А я почему не умерла с ними?

Норбридж поднял палец, позволяя на некоторое время воцариться молчанию.

– Возможно, потому что ты последняя, или самая младшая, или по какой-то ещё причине, которая пока неясна. Но она не смогла уничтожить тебя вместе с твоими родителями. Если точнее, когда она использовала свои силы, чтобы попытаться убить вас троих, она сама чуть не умерла. В самый последний миг она сохранила себе жизнь, воспользовавшись...

– Дредфорским Знанием? – договорила Элизабет.

– Именно. Я веду к тому, что помощники Грацеллы – и

я уверен, что Селена и её муж были главными в этой шайке – сохранили её тело. Лана объяснила и то, как её семья пыталась заставить тебя использовать силы твоего кулона в их происках. – Он постучал себя по голове. – Нам повезло, что ты не только умна, но и весьма сильна и можешь противостоять всем нападениям. Ты спасла «Зимний дом» уже дважды.

Однако Элизабет почувствовала, как её печаль сменяется злостью: она представила, как Грацелла, и Селена, и все остальные плетут свои заговоры и коварные схемы в исключительно эгоистичных целях – и несут несчастья «Зимнему дому» и людям, которых Элизабет любит.

– Но родителей спасти я не смогла, – резко сказала она.

– Тебе было четыре года. А Грацелла была мощной колдуньей.

– Я единственная выжила. – Элизабет позволила голосу немного подняться, сверля Норбриджа взглядом. – А Грацелла, может, до сих пор не умерла и с ней не до конца покончено.

Лицо Норбриджа сделалось очень спокойным, а голос смягчился.

– Элизабет, – прошептал он.

Что-то в этом возмутило девочку ещё сильнее, и, несмотря на дедушкину попытку её успокоить, кровь у Элизабет начала кипеть. Внутри неё поднялось *ощущение* – непроизвольно, как до сих пор иногда случалось, – и она сфокусировала гневный взгляд на книге, лежащей на столике перед

ними. Книгу с резким грохотом снесло со стола, и она врезалась в стену слева от Элизабет, а потом шлёпнулась на ковер. Элизабет не ожидала этого и была напугана – но в то же время какая-то её часть почувствовала удовлетворение. Её силы будоражили. Девочка посмотрела на Норбриджа выжидающе и ликующе, хоть она и не намеревалась делать то, что произошло.

Однако Норбридж смотрел на её строго, угрожающе прищурившись.

– Не делай так! – сказал он – тихо, но сурово.

Элизабет была ошарашена.

– Но я...

– Я сказал, не делай так! – повторил Норбридж уже громче. – Ты должна это контролировать. Всегда. – Он не переставал хмуриться.

То, как Норбридж разозлился, встревожило Элизабет, хоть она и осознавала, до чего было приятно дать волю своей силе.

– Почему это тебя так расстроило? – спросила она.

– Потому что мне не нравится то, что я вижу, – резко ответил Норбридж, поднимая руку. – Моя сестра в твоём возрасте делала точно так же. Мне это не нравилось тогда и не нравится теперь – в тебе. – Он назидательно поднял один палец. – Она слишком увлеклась.

Элизабет вдруг ужасно сильно захотелось объяснить Норбриджу, что он неспособен понять, какое удовлетворение

она чувствовала, когда книга влетела в стену; как это почти заставило её осознать, почему столько лет назад Грацелла так увлеклась, играя со своими силами.

– Ты говорил мне, ей казалось, что никто в «Зимнем доме» её не слушал, – сказала Элизабет чуть более раздражённо, чем намеревалась. – Так что, может, она просто... – Элизабет немедленно пожалела о своих словах, хоть закончить предложение она и не успела. Норбридж нахмурился ещё сильнее и посмотрел на неё так, будто не вполне узнавал. Между ними ненадолго повисла тишина, а потом Норбридж встал и подошёл к лежащей на полу книге. Он медленно наклонился и поднял её, а потом вернул на стол. На обложке было написано название – «Хроники Северной Семблы».

– Я забуду, что произошло, – сказал Норбридж. Он снова сел за стол и стал просматривать какие-то бумаги, не глядя на Элизабет. – Будь добра, приходи к Ланиной комнате в семь тридцать. – Он напустил на себя такой вид, будто бумаги вдруг увлекли его с головой.

После продолжительного молчания Элизабет встала и покинула комнату, не говоря ни слова.

Глава шестая. Фраза, претворившаяся в жизнь

Элизабет пребывала в таком смятении – одновременно пристыженная и сердитая, – что, спускаясь по лестнице с тринадцатого этажа, не могла решить, что именно взбудоражило её сильнее: пугающее проявление её силы, тот факт, что через несколько часов она наконец поговорит с Ланой, или то, что она узнала про родителей. Всё это приводило девочку в замешательство, особенно после странного происшествия у шахты Риплингтона.

«Но обязательно ли Норбриджу было так на меня злиться?» – подумала Элизабет. Она и раньше видела, как он сердится, конечно, но в этот раз он был разгневан не на шутку.

Девочка продолжала мрачно обдумывать всё это – игнорируя совет, который как-то дала ей Леона («Кто контролирует твои чувства, ты или другой человек?»). А потом она распахнула дверь, ведущую на третий этаж, и увидела, что дверь в мастерскую Фредди слегка приоткрыта. Резко остановившись, Элизабет взгляделась в коридор, размышляя, что мог значить тот факт, что запертая с самого кануна Нового года комната стояла нараспашку. В прошлый раз она была в мастерской три месяца назад, когда они с Фредди нашли за грудями ящиков вход – четвёртый и последний – в тайные проходы «Зимнего дома». Именно через этот вход Грацелла,

Селена и Лана прокрались в тёмный туннель, следуя своему зловещему плану.

Теперь Элизабет прислушалась ненадолго, а потом тихо двинулась вперёд, не сводя глаз с двери. Изнутри не доносилось ни звука; *ощущение* не поднималось внутри неё волной. Она легонько нажала на медную ручку и вошла в мастерскую – там оказалось почти в точности так, как она помнила: верстак в центре, стена со свисающими с крюков инструментами, повсюду кусочки фанеры, и строительные козлы, и разные шкафчики. Единственным, что изменилось – и весьма кардинально, – была стена с четвёртым входом: её наглухо замуровали. Элизабет заворожённо уставилась на неё: если бы кто-нибудь захотел снова пробраться в тайные проходы, здесь ему это точно не удалось бы.

Она подошла к стене и провела рукой по грубой кладке, слегка постукивая по ней, будто проверяя на прочность. Поддавшись какому-то порыву, Элизабет приложила к стене ухо и прислушалась – точно так же три месяца назад она стояла у самой двери. В прошлый раз она услышала слабое гудение, звук, пойдя на который, отыскала странную ледяную статую, спрятанную глубоко под «Зимним домом» и позволившую высвободить силу её кулона. Теперь она ожидала лишь тишины. Но, прижав ухо к стене, с удивлением услышала тот самый тихий и низкий звук, который раздавался сразу после Рождества. Девочка затаила дыхание и зажмурилась. Гудение было едва различимым, почти неслышным –

но всё же было.

Элизабет резко отстранилась от стены и оглядела комнату. В её голове всплыло воспоминание, и, не успела она обдумать, что делает, как подошла к крюкам с висящими на них инструментами. Справа, ближе к полу, чем к потолку, висел серебряный мастер-ключ – тот самый, которым она воспользовалась в позапрошлом Рождество, чтобы проникнуть в комнату Грацеллы. Элизабет покосилась на открытую дверь, а потом сняла ключ с крючка и покинула мастерскую. Не замедляя шага, она прошла по коридору и повернула налево – к комнате номер 333. Через мгновение Элизабет уже стояла у двери Грацеллы.

Комната 333 была странным местом – местом, которого Элизабет избегала с тех пор, как поселилась в «Зимнем доме», и до этого самого момента. Комната находилась в конце тёмного ответвления коридора, в котором не было других дверей, как будто тупик здесь построили по ошибке, да так и не стали ничего менять. Лампочка на потолке у двери всегда светила тусклее всех прочих лампочек в отеле, а маленькая наклейка рядом с замком гласила «НЕ ВХОДИТЬ». Всё касающееся комнаты 333 словно предвещало нечто дурное, и у Элизабет частенько не укладывалось в голове, что когда-то у неё хватило духу зайти внутрь. Теперь, игнорируя все предчувствия, она сказала себе, что хочет всего лишь проверить, лежит ли книга об Анне Люкс на том же месте, где она её оставила.

Элизабет открыла дверь ключом, вошла внутрь и щёлкнула выключателем. Всё выглядело так, как она помнила: кровать с лоскутным одеялом и голубыми подушками в одном углу, большой письменный стол у стены рядом с ней, пустая книжная полка, пара стульев. Всё было незамысловато и просто – точно так же, как в тот единственный раз, когда она сюда заходила.

Элизабет направилась напрямиком к столу и выдвинула верхний ящик – книга лежала на месте, серая, неприметная, в твёрдом переплёте, как будто ждала её здесь многие месяцы: «Тайное руководство Анны Люкс».

«Там, где она всегда и была», – подумала Элизабет.

Внутри неё начало зарождаться *ощущение*. Элизабет схватила книгу, открыла первую главу и прочла первое предложение – которое так врезалось ей в память, что она могла процитировать его наизусть: «Жила-была девочка, которую так сильно интересовали магия, заклинания и подобные запретные вещи, что она решила стать ведьмой».

Она хотела положить книгу на место и уйти, но что-то заставило её взглянуть на форзац, на котором она обнаружила выведенное чёрными чернилами послание аккуратным почерком: «Грацелле – однажды она покажет всем то, что они были неспособны разглядеть. Дэмиен Кроули».

Элизабет приложила ладонь ко лбу: кто-то приближался. Она поспешно вернула книгу в ящик, захлопнула его и пересекла комнату. Выглянув за дверь и не увидев никого в коридоре, она выключила свет и вышла. И ровно в тот момент, когда она закрыла дверь, за угол зашёл Сэмпсон.

– Элизабет! – сказал он. – Что ты здесь делаешь? – Он с опаской двинулся вперёд.

– Я... мне показалось, я что-то услышала. – Элизабет оглянулась на дверь.

Сэмпсон подошёл к ней и остановился. Он вгляделся в дверь, прищурившись, будто мог узнать, есть ли кто-то за ней, просто сконцентрировавшись, а потом с улыбкой повернулся к Элизабет и сказал:

– Может, ты бурю с улицы услышала. Эта комната крепко заперта.

Элизабет нерешительно улыбнулась.

– Наверное, ты прав. Это буря.

На коридор опустилась неловкая тишина.

– Скажи, мне показалось, или я видела, что мастерская открыта? – спросила Элизабет. Ключ оттягивал карман, и девочка поняла, что ей нужно будет придумать, как при первой

же возможности вернуть его.

– Не показалось. – Сэмпсон расплылся в улыбке. – Мистер Фоллс велел мне... – Он зажал рот ладонью, а потом, понизив голос, сказал: – Что ж, скоро увидишь! У меня рот на замке.

Элизабет рассмеялась, радуясь, что они бросили обсуждать номер 333 или что она делала в этом коридоре.

– Понимаю, Сэмпсон, – сказала она. – Тут всегда что-нибудь происходит.

Посыльный кивнул в ответ.

– Это точно. – Бросив последний взгляд на комнату 333, он сказал: – Пожалуй, вернусь-ка я к работе. А ты лучше не броди в этой части коридора.

– Тогда веди, – сказала Элизабет. Следуя за Сэмпсоном по коридору и слушая, как он рассказывает, какой праздник тут закатят на Пасху, девочка не могла избавиться от мысли «Дэмиен Кроули оставил для Грацеллы книгу». Была и другая мысль, глубже, и отделаться от неё оказалось ещё сложнее, потому что нечто подобное она говорила и сама себе: «Однажды она покажет всем то, что они были неспособны разглядеть».

Глава седьмая. Кажется, впереди больше нет угроз... А так ли это?

Зимний зал, как и всегда, был нарядным и ярким: круглые столы застелены хрустящими белыми скатертями и заставлены сияющим тонким фарфором, канделябры блестят, словно созвездия, под высоким потолком, громадные окна отражают столько света и цвета, что просторный зал кажется почти бесконечным. Единственное, чего не хватало в обеденном зале этим вечером, так это гостей, занимавших все до единого места. Если у кого-то ещё оставались сомнения, что середина марта – один из самых неторопливых периодов в жизни отеля, то одного взгляда на Зимний зал во время завтрака, обеда или ужина в эту конкретную субботу было бы достаточно, чтобы полностью их развеять. Камин всё так же источал сладкие ароматы горящих ветвей ели и тсу-ги, а из невидимых колонок по углам всё так же лились ноты «Гольдберг-вариаций» Баха, но зал был наполнен лишь наполовину.

Элизабет вошла через заднюю дверь и оглядела пышный зал. Здесь она ела всегда, если только не была в школе, но его вид (и мысль о том, что теперь этот громадный отель – её дом, что она правда больше никогда не вернётся в Дрир) всегда был ей словно в новинку и неизменно радовал. Она расправила свитер и прислушалась, как бурный ветер бьёт-

ся в окна. За последний час Элизабет решила, что не будет держать зла на Норбриджа и – по крайней мере пока что – не будет думать о том, как пробралась в комнату Грацеллы. На неё вдруг разом навалилась куча всего, и ей хотелось лишь погрузиться с головой в приятную атмосферу ужина в Зимнем зале.

– Давай-ка найдём хорошее местечко, пока не набежала толпа? – произнёс кто-то за её спиной, и Элизабет обернулась и увидела Леону Спринджер, библиотекарьшу «Зимнего дома» и ту, с кем она сильнее всего сблизилась в отеле. Леона не только любила книги так же сильно, как Элизабет, но с ней ещё и можно было поболтать обо всём на свете, даже о том, что девочка пока не обсуждала с Норбриджем. Леона как будто всегда смотрела на вещи свежим взглядом, и Элизабет одновременно доверяла её мнению и уважала его.

– Привет, Леона, – поздоровалась Элизабет, обнимая её. – Веди же меня через эту *огромную* толпу!

– Не своди глаз с моей причёски, – посоветовала Леона, – а то потеряемся в этой толчее. – Она рассмеялась и прошла вперёд. – И давай поищем нашего начинающего преподавателя, мистера Кроули. Он дремал – эм, то есть занимался – у меня в библиотеке последние пару часов, пока я читала ту великолепную книгу, которую ты мне порекомендовала, «Звёзды под нашими ногами». До чего она хороша!

– Рада, что она тебе понравилась, – сказала Элизабет, в очередной раз думая, как же замечательно иметь такого дру-

га, как Леона. Она заметила Хайрама, сидящего за столом ближе к передней части зала вместе с профессором Эгилем П. Фаулзом и собирателями пазлов с их жёнами. – Я сегодня встретила Хайрама, когда каталась на лыжах, – добавила она.

– Да, он упоминал об этом, – сказала Леона. Она остановилась и серьёзно посмотрела на Элизабет. – Этот паренёк – настоящий исследователь. Сегодня он взял «Хаос и загадки» Герберта Манчглика, а ещё «Историю перуанских соляных прудов» Шэннон Окелло, записки Перловски из путешествий в Укбар и даже полистал старый дневник Маршалла Фоллса. Весьма разношёрстная подборка! – Глаза у неё округлились от восторга; она повернулась к залу лицом. – Гляди – он нам машет.

Мгновение спустя Элизабет и Леона уже усаживались за стол и обменивались приветствиями с собравшимися. Миссис Рахпут и миссис Веллингтон в прелестных вечерних платьях и увешанные украшениями просияли, узнав, что Элизабет к ним присоединяется. Профессор Фаулз, несмотря на то, что с Элизабет они виделись пять раз в неделю в коридорах Хевенвортской академии, так ликовал, будто их встреча была событием из ряда вон выходящим.

– Элизабет, Элизабет! – воскликнул он, одетый, как всегда, в коричневый твидовый костюм, который казался таким плотным, что в нём профессору, наверное, было бы тепло на улице даже без верхней одежды. – Как замечательно тебя видеть! – Он пожал руку сперва Элизабет, а потом Лео-

не. – И нашу прелестную библиотекаршу тоже, – добавил он, прежде чем кинуть взгляд на часы. – Она открывает двери своей библиотеки ровно в девять часов утра каждый день, за исключением воскресений. До чего же приятно видеть вас обеих.

Вскоре к ним присоединился Норбридж (едва заметно подмигнувший Элизабет), и им подали тарелки с рыбой, и бататом, и зелёной фасолью, и экстракукурузным хлебом, и все сидящие за столом (за исключением мистера Рахпута) завели приятную и весёлую беседу. Элизабет так наслаждалась вечером, что почти забыла и о произошедшем у шахты, и о своём беспокойстве за Лану, и о том, что она пробралась в комнату 333. Она подумала о фрагменте пазла, спрятанном в ящике её стола, и ощутила укол вины.

– Я не уверен, что все об этом знают, – объявил профессор Фаулз после того, как пустые тарелки унесли и подали ежевичный пирог с ванильным мороженым, – но наш прилежный мистер Хайрам Кроули... – тут он положил руку юноше на спину и лучезарно улыбнулся ему, – усердно трудится над тем, чтобы получить и диплом учителя, и степень по сравнительному литературоведению. Хайрам, может, поделитесь с нами последними предметами своего интереса?

Хайрам, по-прежнему одетый в синий полосатый свитер, который был у него под лыжной курткой, вытер рот салфеткой и положил руки на стол. Элизабет подумала, уже не в первый раз, что у него самая ровная линия челюсти и самая

вдумчивая манера двигать руками из всех её знакомых. Все за столом выжидающе посмотрели на него.

– Благодарю вас, мистер Фаулз, – сказал Хайрам. – Да, пока я прохожу практику в Хевенворте, я параллельно пишу работу о сказках, чтобы получить университетскую степень. О старых версиях сказок, если точнее. Они гораздо более пугающие и, что ж, кровавее, чем люди могут представить. – Он шутливо выпучил глаза. – Очень интересно узнавать все эти жутковатые подробности, кроющиеся за историями, которые кажутся нам милыми по фильмам и книжкам с картинками.

– Истинный внук своего деда с его леденящим кровь наследием, – угрюмо произнёс мистер Рахпут. – Его книги принесли столько бессонных ночей и жутких кошмаров бесчисленным читателям...

– Мистер Рахпут, – перебил его мистер Веллингтон. – Прошу вас, сэр. Вы так спешите свести любой разговор к неприятному. Это очень утомительно. Вы мой добрый и верный друг, но я бы попросил вас быть аккуратнее со словами.

Миссис Рахпут положила ладонь мужу на предплечье.

– Дорогой, – мягко сказала она, кивая в сторону Элизабет. – Мы же не хотим никого напугать.

– О, ничего страшного, – сказала Элизабет. – Я прочитала уже уйму книг Дэмиена Кроули. «Комната отчаяния Колина Дредмейра», «Тьма после полуночи». Кучу. Норбридж дал мне одну, когда я впервые приехала в «Зимний дом».

Перед её внутренним взором возникла книга об Анне Люкс, лежавшая в столе в комнате Грацеллы. Элизабет, само собой, никогда не спрашивала о ней Норбриджа, но ей всегда казалось любопытным, что он дал ей книгу Дэмиена Кроули на следующий день после того, как она наткнулась на книгу того же автора в комнате Грацеллы.

– Раньше книги Дэмиена были очень популярны среди гостей отеля, – сказала Леона. – И среди многих других людей тоже. Но теперь, боюсь, он выходит из моды. Сегодняшние читатели находят его немного *чересчур мрачным*. Школы, библиотеки – его книг уже днём с огнём не сыскать.

– Кстати говоря, он вырос в Хевенворте, – сообщил Норбридж, поворачиваясь от Элизабет к мистеру Рахпуту. – Выдающийся человек. Частенько приезжал в «Зимний дом», когда я был молод.

– Да, нынче уж так не пишут, – сказал Эгиль П. Фаулз. – Пугающе, но стильно. У него был вкус! – Профессор поглядел на свою тарелку. – Дружил с тем Эйвери Димлоу, если я верно припоминаю. Старым книготорговцем в Хевенворте.

По телу Элизабет пробежал холодок. Она часто бывала в книжном Эйвери Димлоу, хоть сам Эйвери и был странно-ватым; но она и знать не знала о его знакомстве с Дэмиеном Кроули.

– Я почти не знал своего деда, – сказал Хайрам и перевёл взгляд на тарелку. – Мама говорила, что с возрастом у него появлялось всё больше странностей.

– Странностей? – переспросил мистер Рахпут.

Хайрам украдкой оглядел стол.

– Кажется, он начал интересоваться, ну, магией. Настоящей магией. Чёрной магией, говорят.

– Может, он вёл какое-то исследование? – предположил мистер Веллингтон. – Для книги?

Хайрам пожал плечами и вернулся к пирогу.

– На самом деле, я не знаю. Мы в семье редко это обсуждаем. Все просто постоянно говорят про «Странного старого Дэмиена». Я прочёл не все его книги, но знаю, что со временем они становились всё чуднее. Он начал чаще писать о разных магических штуках. – Хайрам положил в рот кусочек пирога и замолчал, пережёвывая. – Лично я нахожу эти последние книги какими-то скучными. Была у него одна под названием «Жуткая месть электрической открывашки для консервов» – читать её, по сути, невозможно.

– Знаете, а я как-то раз с ним встречалась, – тихо сказала миссис Веллингтон, и все за столом посмотрели на неё. Ветер снаружи взвыл, а потом стих. – Здесь. Когда мне было одиннадцать.

Интересный факт о миссис Веллингтон состоял в том, что она знала много об истории «Зимнего дома», влюбившись в отель после того, как в детстве вместе с семьёй провела здесь продолжительное время. Именно её тёплые чувства к отелю – и добрые воспоминания о давней дружбе с Норбриджем и Грацеллой – привели к тому, что она со своим мужем и их

друзья чета Рахпут так часто сюда приезжали.

– Норбридж, возможно, ты помнишь тот случай, – продолжила миссис Веллингтон. – Кажется, тогда только вышла вторая книга Дэмиена, «Башня теней и ненасытная петля», и он как-то вечером приехал на ужин. – На её лицо набежала тень неуверенности. – Боже, стоит ли продолжать?

Элизабет почувствовала, как по ней снова пробежал холодок; она подцепила вилкой кусочек пирога и начала быстро жевать, чтобы не выдать, как ей неудобно.

– Пожалуйста, продолжайте, – попросил профессор Фаулз. – Вы пробудили в нас любопытство. Мы все внимание.

Миссис Веллингтон оглядела стол, задержав взгляд на Хайраме.

– Ваш дедушка нашёл сестру Норбриджа, Грацеллу, весьма очаровательной, как я припоминаю. Весьма зрелой. Ей было одиннадцать, а ему – почти тридцать, конечно. Но она задала ему несколько вопросов за ужином, и было ясно, что он счёл её чрезвычайно одарённой. Он даже сказал: «Может, когда-нибудь я напишу для тебя особую книгу», а мы все засмеялись. Я, наверное, даже немножко позавидовала. Знаете, как бывает в этом возрасте. – Она посмотрела на Элизабет и виновато покачала головой. – Да и в любом возрасте! В общем, вот и вся история. Боюсь, не особенно увлекательная. – Миссис Веллингтон начала перебирать пальцами одну из своих хрупких серёжек. – Ты как-то говорил, что он часто посещал «Зимний дом», Норбридж, – продолжила она. – Не

припоминаешь, когда он был здесь в последний раз?

– Припоминаю, – ответил Норбридж. Элизабет заметила, что пока он слушал миссис Веллингтон, на его лицо набежала какая-то тень. – Это было почти двадцать пять лет назад, и он приехал на одну ночь. Весьма разочаровывающе. Он всё время казался каким-то усталым. Как вы можете себе представить, я был удивлён снова оказаться в его обществе. Мы целую вечность его не видели, и я совсем потерял его из виду. Честно говоря, я думал, что он скончался.

– Я помню тот его визит, – сказал Эгиль П. Фаулз. – И да, я полагаю, можно смело сказать – мы все думали, что этот джентльмен уже давно отправился в старое поместье с призраками на небесах. Весьма иронично, а, Норбридж? Учитывая, что Кроули частенько писал о вернувшихся из могилы. – Он оглядел стол. – В некоторых его романах фигурирует скарабей – жук, которого почитали древние египтяне. – Он оглядел стол ещё разок. – Скарабей – это древний символ бессмертия. *Воскрешения* из мёртвых.

К этому моменту Элизабет совсем насторожилась.

– Думаете, он правда изучал всё это? – спросила она, кинув взгляд на Норбриджа. – Ну, настоящую магию?

Профессор Фаулз выпятил подбородок.

– Я не водил с этим джентльменом близкого знакомства, хотя кое-что о нём читал. Сообщество египтологов с севера Южной Дакоты ведёт занятный веб-сайт под названием «Пурпурный Скарабей», несколько раз ссылающийся на

него. – Он повернулся к Хайраму. – Вам есть что добавить, сэр?

Хайрам промокнул рот салфеткой и с озорным выражением лица ответил:

– Я совсем не знал дедушку Дэмиена. Но боже, от всех этих разговоров меня просто жуть берёт!

Все за столом рассмеялись, и кратковременное напряжение, казалось, было снято. Однако Элизабет заметила, что Леона выглядела какой-то отстранённой, хоть и пыталась смеяться вместе с остальными. Девочка была уверена, что в истории Дэмиена Кроули кроется нечто большее.

– Вы же понимаете, что в такую погоду мы вас никуда не отпустим, – сказал Норбридж, указывая на Эгиля и Хайрама. – Дороги замело, так что вы должны остаться переночевать. Будет весело! В восемь концерт, а потом горячий шоколад. Вы надолго запомните эту ночь.

– Нас ждёт пазл, – сообщил мистер Веллингтон, подмигивая мистеру Рахпуту. – Музыка и веселье – это, конечно, замечательно, но...

Земля содрогнулась.

Все – не только за столом Элизабет, но и по всему залу – застыли и уставились друг на друга круглыми глазами. Зимний зал сотрясало добрых пять секунд, а потом всё стихло. Собравшиеся настороженно сидели, ожидая, что будет дальше.

Норбридж встал.

– Полагаю, мы только что наблюдали исключительно редкое явление снежной грозы! – объявил он, поворачиваясь и оглядывая все столы. – Такое случается нечасто, но когда случается, может весьма напугать. – Он положил ладони на рёбра, будто собираясь объяснить подробнее, но замялся. – Пожалуйста, угощайтесь пирогом, пока я схожу кое-что проверить. Я не задержусь надолго.

Он наклонился к сидящим за его столом и пояснил:

– Внизу, в закрытой кладовой рядом со столами для воздушного хоккея, у меня хранится сейсмограф. Хочу быстро взглянуть на его показания. Поразительно! Снежная гроза! Кто бы мог подумать? Последний раз такое было восемнадцать лет назад.

Он повернулся и под взглядами всех собравшихся торопливо покинул зал. По столовой прокатилось беспокойное бормотание.

Профессор Фаулз выглядел ошеломлённым, а мистер Рахпут – настолько расстроенным, что Элизабет показалось, он вот-вот расплчется.

– Снежная гроза? – пробубнил он.

– Разве бывают грозы со снегом? – спросила миссис Рахпут.

– И не должна ли была сначала сверкнуть молния? – подхватил мистер Веллингтон.

Элизабет думала ровно о том же самом. Однако она отвлеклась, потому что у Хайрама сделалось такое бледное

и ошарашенное лицо, что, казалось, он может расстаться с ужином.

– Вы в порядке, молодой человек? – спросила его Леона. Он вздрогнул и повернулся к ней.

– Нормально, – слабо ответил Хайрам. Он выпрямился и глубоко вдохнул; на его лицо вернулись краски и бодрое выражение. – Очень уж меня впечатлила такая тряска, видимо. – Неловко пожав плечами, он посмотрел на Элизабет. – Не хочешь потом сыграть в воздушный хоккей?

Странный миг миновал, все снова засмеялись и вернулись к десерту. Но Элизабет никак не покидала мысль, что и тогда, у шахты, когда земля содрогнулась, она тоже не видела молнии.

Глава восьмая. Беседа с той, кто недавно была юна

Подойдя к Ланиной комнате почти в семь тридцать, Элизабет обнаружила, что Норбридж уже ожидает её. Ей хотелось спросить, что он выяснил по поводу грохота, прервавшего ужин, – не только потому, что ей было интересно, но и потому, что подобная беседа могла бы снять напряжение, появившееся между ними сегодня в его офисе. Однако Норбридж просто раскинул руки и обнял Элизабет. Некоторое время они молча стояли обнявшись, а потом Норбридж, кинув на внуку мягкий взгляд, открыл дверь.

Комнату Ланы освещала маленькая лампа, стоящая на приставном столике рядом с кроватью. Элизабет бывала здесь уже по меньшей мере дюжину раз, чтобы навестить Лану, но никогда не видела того, что увидела теперь. Лана сидела прямо, укрытая одеялами, прислонившись спиной к двум пышным подушкам. Глаза у неё наконец-то были открыты. И не просто открыты – она читала книгу «Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире», и это поразило Элизабет почти настолько же, как вид бодрствующей и пребывающей в сознании Ланы.

– Обожаю эту книгу! – воскликнула Элизабет, а потом прикрыла рот ладонью и посмотрела на Норбриджа. – Прости. Я не хотела так кричать.

Лана неторопливо положила книгу на колени и перевела на Элизабет скорбный взгляд. Она выглядела, как настоящая старуха. Пропали блестящие чёрные волосы, весёлые глаза и гладкая кожа, которой Элизабет когда-то так завидовала. На смену юной красоте Ланы пришли тонкие седые волосы и такое сморщенное и осунувшееся лицо, что Элизабет задумалась, осмеливается ли она взглянуть на себя в зеркало. Конечно, Элизабет не считала, что старость – это плохо, но превратиться из двенадцатилетней в *это*... Неудивительно, что в Ланиных глазах читалась такая утомлённость.

– Мне эта книга тоже нравится, – сказала Лана голосом таким же состаренным, как её тело.

Норбридж сделал глубокий вдох.

– Я подумал, тебе захочется принять гостью, – сказал он Лане. – А Элизабет уже несколько недель надеялась тебя по-видать. Возможно, вы двое...

Но не успел Норбридж договорить, как Элизабет кинулась к кровати и обхватила Лану руками, и они замерли в этом

объятии, почти две минуты не произнося ни слова. Когда Элизабет наконец отстранилась, Лана просто посмотрела на неё, но ни одна по-прежнему не сказала ни слова.

– Кто-нибудь хочет флюорчиков? – спросил Норбридж, доставая пакет с конфетами из кармана. Элизабет легко рассмееялась, Лана улыбнулась, и атмосфера в комнате разрядилась.

Элизабет присела на кровать.

– Прости, что всё так вышло.

– Это я должна извиняться, – сказала Лана. – Я столько раз хотела предупредить тебя о том, что происходило, и о том, что затевали мои тётя и родители.

– Ты не могла противостоять своей семье, – возразил Норбридж, констатируя факт. – Мы понимаем. Все понимают. Ситуация была безвыходная, и ты не должна себя винить.

– Они знали о «Зимнем доме» всё, – сказала Лана. – Из тех историй, что годами рассказывали в семье. Потому-то моим родителям и было известно про Ту Самую Книгу и проходы, и потому-то тётя Селена убедила нас помогать ей. Дала кучу обещаний. А Грацелла нас всех пугала. Я чувствовала, что просто не могу сказать нет.

– Прошу, тебе не нужно ничего объяснять, – сказал Норбридж, бездумно перекладывая пакет с конфетами из одной руки в другую. – Всё это очень печальное стечение обстоятельств. И я очень зол на твоих родителей за то, что они сделали, а потом просто сбежали. И всё же твоей вины во всём

этом нет.

Лана опустила усталый взгляд на книгу.

– Я знаю, – ответила она почти шёпотом.

– Мы собираемся как-нибудь тебе помочь, – сказала Элизабет, беря Лану за руку. – Не знаю как, но мы обязательно придумаем. – Она повернулась к дедушке. – Правда, Норбридж?

Лана склонила голову и посмотрела на него.

– Что вы можете сделать? Я знаю, что никто... – Она умолкла, поднесла ладони к лицу и уставилась на них так, словно они были ей чужие, а потом уронила их обратно на одеяло. – Я знаю, что никто не сможет ничего сделать.

– Я бы не был так уверен, – ответил Норбридж. – Вы обе лучше других понимаете, что в семье Фоллис и в этом старом отеле таится достаточно магии. – Он поднял согнутую руку, изображая бодибилдера. – И даже в этих старых костях.

Он перевёл взгляд с Ланы на Элизабет – они обе молчали. И тут, с совершенным и непредсказуемым проворством, он подкинул конфеты к потолку, щёлкнул пальцами и каким-то образом – в какой-то миг, когда Элизабет моргнула или, может, была ослеплена вспышкой света – пакетик исчез, уступив место двум шарикам – серебристому и фиолетовому. Они взлетели к потолку, как будто какой-то ребёнок выпустил их летать по комнате. А потом, будто этого было недостаточно, шарики медленно опустились и подплыли прямо к девочкам, но когда Элизабет потянулась к фиолетовому,

а Лана – к серебрястому, шарики одновременно лопнули с громким треском.

Элизабет удивлённо рассмеялась.

– Ого! – воскликнула она.

Лана вяло улыбнулась, но выглядела она искренне довольной.

– Это было очень круто, – сказала она. А Элизабет снова засмеялась, одновременно и из-за весёлого фокуса Норбриджа, и от осознания, что настоящая Лана – та, которой было двенадцать – всё ещё пряталась внутри этой сидящей на кровати старухи; до этого момента казалось, что она исчезла навсегда. Может, Норбридж и впрямь сумеет придумать что-нибудь и вернуть Лану в прежнее состояние.

– Ты читала ещё что-нибудь хорошее в последнее время? – спросила Лана у Элизабет, и обе принялись болтать, как будто это была ничем не примечательная встреча в совершенно обычный день. Десять минут спустя, несмотря на очевидную усталость Ланы, Элизабет чувствовала, что она по крайней мере ненадолго забыла о своём печальном положении.

– Принесёшь мне каких-нибудь хороших книжек из библиотеки? – спустя некоторое время попросила Лана.

– Принесу свои самые любимые, – ответила Элизабет. Внутри неё затрепетало *ощущение*.

– Так, послушайте, вы двое, – сказал Норбридж, – мне нужно позаботиться кое о чём перед концертом. Элизабет,

если хочешь ещё немного здесь посидеть – пожалуйста, но...

Его прервал стук в дверь; не успел он подняться или попросить стоящего в коридоре войти, как ручка повернулась и дверь открылась. За ней, к полному изумлению Элизабет, стояла Лена Фоллс – престарелая дочь самой пожилой жительницы «Зимнего дома», девяностодевятилетней двоюродной сестры Норбриджа, Кионы Фоллс. Серые волосы Лены были причёсаны, челюсти крепко стиснуты, одета она была в халат тёмно-синего цвета и выглядела так, будто эта комната принадлежала ей, и вид трёх собравшихся внутри людей вызвал у неё оторопь.

Норбридж встал. Он был явно обескуражен и недоумённо нахмурился.

– Лена? – произнёс он, хотя было совершенно всё равно, что он скажет: Лена не могла ни слышать, ни говорить – в таком состоянии она пребывала уже больше шестидесяти лет. Насколько было известно Элизабет, два последних десятилетия Лена покидала свою комнату только на Сочельник, чтобы поужинать со всеми, да и то в прошлый раз она этого делать не стала. Она проводила дни в практически бесконечной дрёме, и никто – даже её мать, Киона, – не знал, что происходило в её голове или почему она так отстранилась от остального мира. Она могла есть, могла вставать и ходить; она просто ни с кем не общалась. Однако одно было известно наверняка: Лена долгие годы не выходила из комнаты без сопровождения.

Норбридж махнул рукой, приглашая Лену войти, и она кивнула ему, как будто они то и дело сталкивались друг с другом. Она опустила подбородок, приветствуя Элизабет. А потом направилась напрямиком к кровати, села на неё, взяла руку Ланы в свои ладони и уставилась ей в глаза, как будто единственной причиной, по которой она явилась в комнату номер 423, было изучение цвета Ланиных зрачков.

В комнате воцарилась тишина, Лена сидела и смотрела.

– Вы что-то хотите мне сказать? – наконец спросила Лана.

– Она не может говорить, – сказал Норбридж. – И слышать тоже ничего не может. – А потом, понизив голос, добавил: – Я поражён, что она вышла и гуляет по отелю.

Элизабет недоумённо посмотрела на него. Лена закрыла глаза и наклонила голову вперёд. Несколько секунд она безмолвно шевелила губами, а потом отпустила Ланины руки, встала, повернулась и вышла из комнаты. Миг – и они снова остались втроём, а атмосфера замешательства, опустившаяся на комнату, когда Лена вошла, словно стала ещё плотнее.

– Что это такое было? – спросила Лана. А после того как Норбридж объяснил, в каком состоянии пребывает Лена, и как она двадцать три года назад слегла в постель и всем казалось, что она позабыла о существовании мира за пределами её головы, Лана уставилась на своё одеяло и погрузилась в глубокие раздумья.

– Она как будто хотела мне что-то сказать, – тихо протянула Лана.

На Элизабет снова нахлынуло *ощущение*, и, чтобы предупредить Норбриджа, что странности этого вечера ещё не закончились, она указала подбородком на дверь – ровно за миг до того, как в неё снова постучали.

– Войдите, – сказал Норбридж. Дверь открылась – за ней показался Сэмпсон, стоящий позади кресла-каталки с сидящей в нём Кионой Фоллс, по самую шею укутанной в тяжёлое одеяло, с вязаным колпаком на голове и недоумением на лице.

– Моя дочь только что была здесь? – спросила Киона. Сэмпсон за её спиной скорчил гримасу, как будто понятия не имел, что тут происходит, и просто выполнял просьбу пожилой женщины.

– Вообще-то, – сказал Норбридж, – была. Она ушла около десяти минут назад. Впервые вижу, чтобы она покинула свою комнату одна за, ох, более чем два десятилетия. – Он подошёл к Кионе, присел на корточки и поцеловал её в обе щеки. – В чём, как сейчас говорят, *прикол*? Прошу, просветите нас, моя дорогая леди.

Киона подняла руку и скованно повернулась, чтобы взглянуть на Сэмпсона.

– Благодарю вас, сэр, что сопроводили меня в эту комнату. Креслом на колёсах вы управляете отменно.

Сэмпсон расплылся в улыбке и взглянул на Норбриджа.

– Мисс Фоллс попросила, чтобы я подвёз её сюда.

Киона махнула рукой Лане.

– Добрейшего тебе вечера, дорогая Лана. Очень рада, что ты пребываешь в добром здравии. – Она положила руку на сердце. – Это греет меня. До глубины души. – Не отнимая руки от груди, она улыбнулась Элизабет. – И моя дорогая четвероюродная внучка Элизабет, как всегда, видеть тебя – сплошное удовольствие. – Она изумлённо покачала головой. – Никогда не перестану удивляться, что ты с каждым днём всё сильнее напоминаешь свою мать.

Киона опустила руку и покачала головой, глядя на Норбриджа.

– Я не могу найти этому объяснения, но в течение трёх последних дней моя дочь стала более... *активной*. Более живой, более бодрой, более энергичной! Она никогда особо не использовала язык жестов, но вчера начала что-то показывать. Сначала я подумала, что она показывает своё имя, но потом поняла: не своё, а Ланино. А потом мне стало ясно, что она хочет увидеть дорогую девочку. – Она скривилась. – Или правильнее говорить «дорогую женщину»? – Она с сомнением посмотрела на Лану. – Прости. Я не...

– Ничего, – ответила Лана и уставилась на свои ладони.

Киона дотронулась до своего лба, словно показывая, что совершила ошибку, не подумав, а затем продолжила:

– Лена всё показывала и показывала её имя и волновалась всё сильнее. Утром это продолжилось, а потом я не так давно проснулась – а она пропала! Вообразите моё удивление. С шестнадцатого августа двадцать три года назад спала в кро-

вати подле меня и тут вдруг, – Киона разрубила ладонью воздух, – пропала!

– Это необычно, – сказал Норбридж. – Очень необычно. – Он прикусил губу.

– Я решила, что она отправилась сюда, – добавила Киона. – Хотя я и не имею ни малейшего представления, почему. Она будто одержима какой-то навязчивой идеей. Это очень странно.

– Она не пыталась показать какие-то ещё слова? – спросил Норбридж.

Киона некоторое время глядела на ковёр, прежде чем перевести взгляд на Норбриджа.

– Дважды она показала слово «знание». Я понятия не имею, что она имела в виду.

На комнату опустилась зловещая тишина. Элизабет вдруг стало холодно. «Не могла же Лена намекать на Дредфорское Знание, правда?» – подумала она.

Киона посмотрела на Лану. Та потёрла ухо и спросила:

– Как это произошло?

– Как Лена потеряла слух и речь? – уточнила Киона. – Хотелось бы мне знать. Пошла однажды кататься на лыжах и не вернулась. Ей тогда было двадцать. Когда её нашли, уже поздно вечером, всё изменилось. Она была словно в каком-то оцепенении, от которого так никогда и не оправилась. Может, из-за холода или... не знаю. Лена никогда не рассказывала. Прошло много лет, и она медленно погрузилась в

свой внутренний мир. – Она покачала головой. – Очень печально. Очень печально для всех нас.

– У вас же скоро день рождения? – спросила Лана. Норбридж резко вдохнул, но Киона сделала ему жест рукой и подалась вперед.

– Верно, – сказала она. – Я не против говорить об этом. Да, дорогая, двенадцатого июня. Мой сотый день рождения. Значимая веха, особенно в этом месте.

В семье Фоллсов существовала такая особенность – как было ясно, если взглянуть на генеалогическое древо, висящее на стене рядом с Зимним залом, – что почти каждая женщина жила ровно сотню лет. Ни годом больше, ни годом меньше – ровно сто. Почему такое происходило, понять не мог никто – ни Норбридж, ни Леона, ни кто-нибудь ещё в отеле. Так просто было, это был такой же непреложный факт жизни в «Зимнем доме», как снег зимой или аромат флорчиков в коридорах. Элизабет часто гадала, о чём думает Киона, отсчитывая оставшиеся месяцы. Все в глубине души понимают, что их ждёт в будущем, но знать с почти стопроцентной вероятностью, что твой следующий день рождения будет последним, должно быть, очень неприятно.

– Вам страшно? – спросила Лана.

Киона слабо улыбнулась.

– Я прожила хорошую жизнь. – Она подмигнула Элизабет. – Я пыталась думать о других, а не о себе, и должна сказать, это было моей тайной формулой счастья.

Зазвенели колокольчики, возвещая, что концерт начнётся через десять минут.

– Как я и планировал, – сказал Норбридж, и все засмеялись. – Мне правда пора бежать. И тебе тоже, Элизабет, если хочешь послушать сонату.

– А я собираюсь поймать свою дочь, – сказала Киона. Она неплотно сжала ладонь в кулак, стукнула по ручке своего кресла и повернулась к Сэмпсону. – Заводите мотор, юноша.

– Так точно, мисс Фоллс, – ответил посыльный.

Элизабет обняла Лану напоследок.

– Скоро увидимся. Принесу тебе кучу книг. Есть одна такая под названием «Пятеро детей и чудище» – она тебе непременно понравится.

Лана показала всем два поднятых больших пальца. Кажется, она рада – хотя, направляясь в Грейс-холл, Элизабет была уверена, что Лана едва сдерживала слёзы.

Глава девятая. Полуночная встреча. Рыщущая по отелю

К половине одиннадцатого вечера – послушав концерт Санни Чен, выпив обещанный горячий шоколад, поставив на место четыре фрагмента пазла и даже дополнив в своём дневнике список «Плюсы И Минусы Жизни В «Зимнем доме» («Плюс № 48: знакомиться с дружелюбными и знаменитыми музыкантами») – Элизабет сидела за столом и дописывала ответный эмейл Фредди. Она согласилась, что им нужно многое обсудить касательно Райли Грейнджера и Дредфорского Знания, а потом сообщила обо всех происшествиях, которые сочла важными: Лана, шахта, неожиданное появление Лены, собиратели пазлов, грохот в Зимнем зале и даже её уроки в Хевенворте и последние прочитанные книги.

«Я ужасно жду твоего приезда на пасхальные куклы Ани, – написала она, добравшись до конца. – То есть а, кликуны. То есть каникулы. Серьёзно, здорово будет с тобой увидеться. Твой друг – Белиза Тэ (это анаграмма к «Элизабет», если ты вдруг стал терять хватку!)»

Она нажала «Отправить», а потом открыла ящик стола, чтобы взглянуть на синий фрагмент пазла. «Скоро я его верну», – подумала девочка, а потом захлопнула ящик и стала размышлять над раздавшимся во время ужина грохотом. После концерта Санни Чен Норбридж сообщил Элизабет, что

его сейсмограф зафиксировал вибрации, равные очень слабенькому землетрясению, и добавил, что в точности то же самое случилось на его памяти трижды, и молния тоже каждый раз не сверкала.

– Может, это были просто естественные подземные движения, – сказал ей Норбридж. – Воздуховоды, или ледяные глыбы, или что-нибудь ещё. Будем надеяться, что именно это произошло, когда ты была у шахты.

Всё это приводило Элизабет в замешательство и, обдумывая перипетии сегодняшнего дня, она чувствовала, что больше всего ей хочется сесть на диван и забыться, листая страницы хорошей книги.

Она взяла с прикроватного столика «Мрак в конце туннеля», плюхнулась на диван и приступила к чтению.

* * *

В полночь Элизабет проснулась. Она вышла из своей комнаты и побрела по холодным и мрачным коридорам, в конце концов оказавшись в библиотеке, тёмной и лежащей в руинах. «Зимний дом» был заброшен – здесь не осталось ни гостей, ни служащих, ни членов семьи Фоллс; все уехали, и в огромном отеле царили тишина и пустота.

Стоя посреди завалов, она услышала, что чей-то голос зовет её по имени: *Элизабет*. Потом голос раздался ещё раз, и ещё. Всего три раза.

На вершине лестницы на третьем этаже появился пурпурный свет.

«Мне тоже нравилась эта библиотека, – сказал голос. – Я любила сидеть здесь часами. Прямо как ты».

Хоть Элизабет и не могла разглядеть ничего, кроме рассеянного пурпурного света, она стояла, задрав голову и прислушиваясь к доносящемуся из тёмной вышины голосу. Она подошла к лестнице и положила ладонь на перила. Её обуяло нестерпимое желание подняться на верхний этаж, в голове эхом отдавались слова *«Прямо как ты»*.

Маленькая лампа, стоящая на столе рядом с лестницей, мигнула; Элизабет необъяснимо потянуло указать на неё пальцем и с помощью одной своей силы сбросить на пол – пусть разобьётся.

«Да, – снова раздался голос. – Я понимаю. Эта сила. Кто бы не захотел ею воспользоваться?»

Элизабет выставила палец в сторону лампы, чувствуя в животе знакомый трепет, готовая выпустить на волю нечто свирепое и приятное – нечто мощное.

«Прямо как ты».

Не сводя пальца с лампы, она сфокусировалась, сконцентрировалась, её зрение начало расплываться, в голове стало нарастать жужжание.

«Прямо как ты!» – снова раздался голос, и монотонный гул в голове Элизабет сделался таким громким, что она накрыла ладонями уши и...

Ахнув, резко подняла голову с диванной подушки и посмотрела на часы. Полночь. Кошмар растворился.

«Она искушает меня, – подумала Элизабет, садясь и пытаясь успокоиться. – Грацелла искушает меня». Однако девочка не могла отделаться от мысли, до чего же сильно ей хотелось увидеть ту лампу разбитой на ковре.

Элизабет встала и подошла к окну, и там, в тусклом свете уличных фонарей, увидела, что снег стал валить ещё сильнее. На земле образовались высокие белые сугробы, простирающиеся от «Зимнего дома» до холодного и тёмного озера Луны; на чёрном небе плясали снежные хлопья. Сердце у Элизабет по-прежнему бешено колотилось, и на миг ей в голову пришла мысль, что ей следует переодеться в пижаму, выпить стакан воды и лечь спать. Но потом, почувствовав, что ей ни за что не усидеть на месте, она подошла к двери и обнаружила, что поворачивает ручку и выходит в коридор. Ей хотелось увидеть кого-нибудь – неважно кого, оказаться в чьём-нибудь ободрительном обществе, возможно, или поговорить пару минут – так что она направилась к лестнице и быстро спустилась в фойе.

Во время рождественских каникул в фойе Зимнего дома было бы немного оживлённо даже в полночь, но сегодня, особенно учитывая, что на улице бушевала метель, а гостей оставалось совсем немного, огромное пространство было пустым и мрачным, как и комната Элизабет. Никого не было видно, канделябры не горели, а неяркое свечение фона-

рей, стоящих на страже снаружи, струилось сквозь высокие окна с какой-то призрачной тусклостью. У стойки посыльных рядом с серебряным колокольчиком стояла табличка, гласившая: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗВОНИТЕ, ЕСЛИ ВАМ ТРЕБУЕТСЯ ОБСЛУЖИВАНИЕ. МЫ ВСЕГДА ГОТОВЫ ПОМОЧЬ».

Элизабет собиралась уже надавить пальцем на кнопочку на звонке, как вдруг замерла и посмотрела на стол с пазлом. Внутри неё вспыхнуло мимолётное любопытство – немного напоминающее *ощущение*, но совсем не такое настойчивое, – и её невольно потянуло к рассыпанным по столу деталькам. Мистер Веллингтон и мистер Рахпут оставили у пазла свою обычную табличку, ту, которую использовали, когда останавливались в отеле: «ПАЗЛ СОБИРАЕТСЯ; ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ТРОГАЙТЕ!»

Пазл лежал перед ней.

Кинув взгляд на стойку посыльных, Элизабет опёрлась обеими руками на стол и вгляделась в фрагменты. Большая часть картинки была собрана, почти повторяя изображённый на гигантской жестяной коробке, в которой и хранились элементы, каменный монастырь. Элизабет частенько думала об этом монастыре с тех пор, как впервые увидела пазл. Мысль о том, что дед Норбриджа, Нестор, вместе со своим таинственным другом Райли Смихом Грейнджером, провели там полдесятилетия, видимо, изучая древние тайны, казалась одновременно волнующей и пугающей. Элизабет не

могла представить, какво это – жить в таком безлюдном и отдалённом месте.

И опять она провела пальцами по нездешним буквам – означающим слово «вера» – над дверями строения. Она оглядела рассыпанные по столу деревянные элементы; её рука потянулась прямиком к снежно-белой детали, которую она – без всякого сомнения – поднесла к куску с горами и ловко вставила на место. Лишь позднее она осознала, до чего это было странно: она впервые занялась пазлом в отсутствие и мистера Веллингтона, и мистера Рахпута.

– Ого! – произнёс кто-то за её спиной, и Элизабет чуть не свалилась на стол – настолько она перепугалась.

– Господи! – воскликнула она, обернувшись и увидев Хайрама Кроули, по-прежнему в синем полосатом свитере, стоящего с поднятыми руками, словно сдаваясь. Её шок его удивил, осознала Элизабет, хватаясь рукой за грудь. – Вы меня напугали!

– Прости, – сказал он полным раскаяния голосом, не опуская рук, тем самым демонстрируя, что он не желал ничего дурного. – Ты так сосредоточилась, я не хотел тебя отвлекать. Мне очень жаль!

Элизабет тяжело вздохнула, чтобы унять бешено колотящееся сердце.

– Ничего, – ответила она, хотя Хайрам смотрел мимо неё на пазл. В голову ей пришла мысль, что она совсем не заметила, как он появился, и это удивило её; может, она настоль-

ко увлекалась пазлом, что в голове не осталось места, чтобы почувствовать приближение Хайрама.

– Как ты это делаешь? – с изумлением в голосе – и на лице, и во всём теле – спросил он, разглядывая пазл. – Это поразительный талант.

– Не знаю. Просто иногда на меня находит что-то.

Хайрам озадаченно покачал головой и продолжил рассматривать картинку.

– Что ж, я уверен, мистер Рахпут и мистер Веллингтон очень ценят это. Такими темпами они смогут закончить работу к Пасхе.

– Будет замечательно на это посмотреть. – Элизабет снова подумала о фрагменте, который спрятала в свой ящик; она посмотрела Хайраму за спину, в тёмный коридор. – Поздно вы гуляете.

Хайрам провёл рукой по чёрным волосам.

– Ветер так воет, что я просто не мог уснуть. – Он принял застенчивый вид. – А потом начал читать одну из дедушкиных книг – и тут уж мне стало совсем не до сна! Я надеялся чем-нибудь перекусить, так что спустился сюда. Но, судя по всему, тут всё закрыто.

– Можем позвонить в колокольчик, если хотите.

– Нет, ничего. – Он поднял голову, уставившись в потолок. – Ночью, когда здесь никого нет, он почти что становится ещё величественнее. – Он восхищённо вздохнул. – «Зимний дом».

– Понимаю, – сказала Элизабет. – Это лучшее место на свете. – Она сделала паузу. – И школа в Хевенворте мне тоже очень нравится. Она гораздо лучше той, в которую я ходила раньше.

– Профессор Фаулз директорствует в великолепной школе. Хотел бы я там когда-нибудь преподавать на полную ставку.

– Думаю, у вас пока что прекрасно получается. И все так думают.

Хайрам пожал плечами.

– Мне повезло получить здесь место. Я всегда хотел вернуться, учитывая, что моя семья отсюда родом. Или, по крайней мере, мой дедушка. «Зимний дом», «Зимний дом». Только это и слышал от матери в детстве.

– А ваш папа не здешний?

Хайрам покачал головой.

– Нет. И мне не представилось шанса с ним познакомиться. Он умер за три месяца до моего рождения.

Элизабет не знала, что сказать. Одно дело – лишиться родителей в раннем возрасте и совершенно другое – редкое и из ряда вон выходящее – не застать отца живым вообще.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Я не хотела поднимать эту тему.

– Ничего, – ответил Хайрам. Он ободряюще улыбнулся ей, и в этот момент Элизабет решила вернуться к разговору, который они уже обсуждали сегодня.

– Вы когда-нибудь читали книгу вашего дедушки под названием «Тайное руководство Анны Люкс»? – спросила она.

Хайрам удивлённо склонил голову.

– Знаешь, любопытный факт об этой книге. Если верить словам моей матери, её экземпляров не существует вообще нигде. Дедушка Дэмиен написал её, а перед самым выходом в печать, видимо, передумал и попросил издателя уничтожить весь тираж. Никто не знал почему, но мать как-то сказала мне, что он описал в ней какой-то магический ритуал, а потом решил, что не хочет, чтобы люди о нём знали. – Он пожал плечами. – Откуда ты узнала про эту книгу?

Элизабет смутилась.

– Леона о ней как-то упоминала.

– Я видел, что люди на сайтах коллекционеров ею интересуются. Если бы где-то всплыл экземпляр, поднялась бы большая шумиха.

Элизабет вспомнила первое предложение в книге: «Жила-была девочка, которую так сильно интересовали магия, заклинания и подобные запретные вещи, что она решила стать ведьмой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.